

День открытых окон 4

Стихи участников III Московского
фестиваля университетской поэзии

Москва
2011

УДК 82-1
ББК 84Р7-5
Д34

Редколлегия:

Александра Бабушкина
Данила Давыдов
Анна Орлицкая
Юрий Орлицкий

Дизайн обложки:

Анна Орлицкая

*Издание осуществлено при поддержке
Независимой литературной премии «Дебют».*

Стихи печатаются в авторской редакции.

*Скачать предыдущие выпуски альманаха можно на сайте:
<http://student.rggu.ru/magazines/>
E-mail: literat2007@yandex.ru*

День открытых окон 4: стихи участников III Московского фестиваля университетской поэзии. – Москва, 2011. – 160 с.

ISBN 978-5-93856-182-3

В четвертый выпуск альманаха «День открытых окон» вошли стихи участников Третьего московского фестиваля университетской поэзии, состоявшегося 29–31 октября 2010 года. Авторы сборника – молодые поэты из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Казани, Астрахани, Челябинска, Смоленска, Твери, Рязани, Екатеринбурга, Омска. Помимо участников основной программы, в сборнике представлены победители «конкурсных» поэтических чтений в рамках фестиваля, а также материалы круглого стола на тему «Поэтические поколения 1990–2000-х годов».

Для всех интересующихся современной поэзией.

ISBN 978-5-93856-182-3

© День открытых окон 4, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
Галина Рымбу	8
Сергей Гейченко	13
Елена Горшкова	16
Михаил Семенов	20
Анастасия Каменева	26
Николай Артюшкин	28
Дарья Смирнова	31
Егор Сальников	35
Александра Соболева	40
Анна Орлицкая	42
Олег Задорожный	48
Марина Яуре	50
Константин Комаров	52
Ольга Туркина	54
Лев Оборин	56
Майя Руцкая	60
Николай Николаев	62
Мария Рожкова	63
Никита Подвальный	67
Александра Бабушкина	70
Павел Арсеньев	77
Татьяна Барботина	80
Дмитрий Каплин	83
Юлия Поселеннова	87
Никита Миронов	88
Юлия Грекова	90
Денис Ларионов	93
Валентина Канухина	96
Александр Маниченко	99
Валерия Мерзлякова	103
Игорь Тишин	106
Ольга Собгайда	108
Денис Безносос	114
Анна Новицкая	119
Максим Маркевич	121

Анастасия Сидорова	125
Ольга Метальникова	127
Алексей Афонин	129
Ольга Яковлева	132
Анастасия Трифонова	137
Екатерина Малова	139
Анастасия Векшина	143
Поэтические поколения 1990–2000-х годов. Материалы круглого стола	146
Евгения Вежлян, Людмила Вязмитинова, Анна Голубкова, Данила Давыдов, Олег Дарк, Дмитрий Кузьмин, Арсен Мирзаев, Юрий Орлицкий	
Сведения об авторах	155

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Перед вами очередной – четвертый – выпуск альманаха «День открытых окон». С 2009 года он издается по итогам фестивалей университетской поэзии, традиционно проходящих в Москве в конце октября. В 2010 году фестиваль состоялся уже в третий раз. Его организатор – творческое объединение «ЛитПроект» – основано в 2007 году и первоначально занималось проведением в РГГУ поэтических чтений с участием студентов и аспирантов.

Фестиваль проходил с 29 по 31 октября 2010 года в РГГУ и в московских литературных клубах «Билингва» и «Проект ОГИ». В его программу вошли два поэтических вечера, «конкурсные» чтения, а также круглый стол «Поэтические поколения 1990–2000-х годов» и лекция литературтрегера, издателя, главного редактора журнала «Воздух» и сайта «Новая литературная карта России» Дмитрия Кузьмина об основных тенденциях современной русской поэзии.

Фестиваль поддержали его постоянные партнеры – Независимая литературная премия «Дебют», проект «Культурная инициатива», Виртуальная студия сайта «Новая литературная карта России» и Управление по работе со студентами РГГУ. В этом году в число партнеров вошло домашнее издательство молодого московского поэта Льва Оборина «Огурчики-Помидорчики», выпускающее небольшие поэтические книги тиражом 10–20 экземпляров. По итогам «конкурсных» чтений издательство вручило специальный приз: выпускница Литинститута Мария Рожкова получила 20 экземпляров своего первого авторского сборника.

В «День открытых окон 4» вошли стихи сорока двух молодых поэтов. Большинство из них уже принимает активное участие в литературной жизни, выступает на поэтических фестивалях и вечерах, публикуется в журналах, альманахах и сборниках. Многие авторы входили в лонг- и шорт-листы таких крупных молодежных литературных премий, как «Дебют» и «ЛитератуРРентген».

Сравнивая стихотворения постоянных авторов альманаха, нетрудно заметить, как год за годом растет их поэтическое мастерство. С другой стороны, радует и то, что в каждом выпуске появляются новые имена. Это свидетельствует о постоянном притоке новых авторов в молодую литературу и о растущей популярности альманаха и фестиваля.

Помимо участников основной программы фестиваля, в книге представлены шестеро победителей «конкурсных» чтений. Среди них – не только москвичи, но и авторы из Казани, Смоленска и Твери. Для некоторых публикация в нашем издании – первая.

Кроме стихотворных подборок, сборник включает материалы круглого стола на тему «Поэтические поколения 1990–2000-х годов», помещенные в конце книги в качестве послесловия.

Редколлегия

ГАЛИНА РЫМБУ

* * *

Если вдруг вспомнятся тусклые села,
Грязные шторы в доме казенном,
Рыжие бархатцы в детской руке,
Жирная щука в прелом укропе,
Папа, как будто чужой, в темной робе
Тихо стоит, прислонившись к стене.

Если вдруг станет такой же стеною
Прошлое, – страх остается со мною,
Водит по телу студеным пером,
Солнышко делает темным пятном.
«Помнишь, – кричит мне, – щуку в укропе,
Дни посторонние в сладком сиропе,
Зуб свой молочный на толстом ковре,
Книжки про ВОВ там, где врут под чистую?
Первой постелью тебя нарисую,
Яблоком адским, галей в игре,
Гулом слепым дискотеки КЦ-шной,
Сломанной лыжей, лежащей в снегу,
Шахматным полем и спрятанной пешкой»
Это не я. Я так быть не могу.

Если вдруг вспомнится запах сарая,
Мелкие яблоки в дождь собираю,
Белую скатерть тяну со стола, –
Это не я, я такой не была.
Дней настоящих горячие розы,
Тело трамвая, сон спиртовой,
Шепоты горные, мамины слезы, –
Только и там это кто-то другой.

Белое слово молвить велю.
Это не я. Я таких не люблю.

* * *

*Я во сне перестал побеждать.
Ю. Кузнецов.*

в черепной коробке земных передач
наступает ночь, я сложусь воедино.
черный эпос – кифары своей циркач
разбивает волной цветную витрину,
белый эпос нудит на щекастой трубе
что-то пошлое, красное спьяну.
осень едет на старом горбе
к той горе, где звучать перестану.
ждать, курить, во дворах поджигать целлофан
и во сне золотой целовать нотный стан, –
беглой музыки жало иное,
алкогольное, ледяное.
почему так легко зарыдать?

причастившись заморской двойной пустоты
на асфальт, на сухие в прожилках цветы
лить вино, умирать без героя.
а вернешься домой, – все иное,
подоконник в шмелях золотых.

* * *

Простые вещи никогда не происходят.
Синица под рубахой скорогодит,
И шрам на языке не говорит.
Как тело разобьется о гранит
Мечтал, мечтал, а выпал в электричку
«Москва – Рязань». И неживой лежит.

Я видела, не видела – не знаю,
Я с каждым сном все чаще забываю:
Мои друзья не видятся со мной.
Прошедших дней холодный перегой –
На грядках вешних, позже снег ложится,

И чья-то птичка бьется о гранит
Мой старый враг все чаще говорит:
«Простых вещей на свете не бывает», –
И улыбается, и дни свои считает,
И будто бы совсем живой лежит,
И рядом в тамбуре с ним первый снег дымится...

Я сон не сон не видела, не знаю,
Как шли мы, шли бескрайними полями
И каждый вечер в прорубь выходили,
И о простых вещах все говорили,
И травы жгли, и свет в руках несли.
Друзья мои потом меня спасли.

Вагоны падают. В полях синиц считают.

* * *

И не от юности дневной не знаю как нам жить на свете...
Бегут по школьной роще дети, я с ними, после – ты со мной.
Свистеть, кричать, смотреть в окно, мечтать о лесе, о ночлеге
Другом и молоке парном. И вот во сне свистит паром,
И речка зацветает медью. Мы после скажем об одном.
Качели. Ночь. Кач-кач – качаюсь. Тик-так – с тобою повстречаюсь,
Заветный байковый халат тебе распахиваться рад,
Бог мой, все дни мои двояки!
И за окном бегут дворняги, куда неведомо летят...
Ты говоришь: «Мороз какой...»
В комоде плачет домовой.
Ты спрашиваешь: «Год какой?»
Так странно, – я еще живой...»
Мы здесь всегда с тобою жили, родители несли нам в дом
И голоса свои, и крылья. И тает на реке паром...
Открой свой ранец-померанец,
От А до Я там все горит,
Как на снегу тяжелом – агнец,
Звезда с бедою говорит...

* * *

Не полыни вкус июнь с собой принес, –
Парк заброшенных каруселей, крепленных звезд,
Ржавый остров чертова колеса,
Высыхающие пруда,

Переспелой земли нагретый пупок,
Рты байдарок, пьющие в большой воде.
И в прохладной церкви каменный потолок
Ни о чем не помнит, разве что о войне, –
Я не знаю зачем все идут сюда.

А вернуться домой, как с баулом покинуть дом,
Не увидеть там ни плачущих, ни у плиты,
Лишь бидон со створоженным молоком
И человек немислимой красоты.

Он держит в руке пучок полевых трав,
Он улей с собой принес и поставил к окну.
А как скажешь слово, вспомнишь молитву, полуденный жар,
Так и провалишься с ним во тьму.

Но очнешься в знакомом запахе горьком, сыром
И в просторной тиши, в объятых не знаю чьих
И увидишь, как стал огромным твой летний дом,
Твой расплавленный город, плеск радиолы, улыбки родных,
Высыхающие пруда...

А захочешь вернуться
Да только имя свое в кармане нашаришь, простой василек
Полевой да тлеющий уголек.

* * *

Второго сына заковали, преодолели темный старт,
И умирали бабы вали и бабы светы, бабы мани
На самых пасмурных местах.

Но мухи плавали в рассоле и век назад, и два вперед,
И солнце плавало косое. Над полем – конь, а в нем – народ.
Несли корзинки с земляникой и сына первого несли.
Бензином облитые лики и песни добрые земли.
В степи построят аквапарки, из лаптя высосут вино
Все те же греки, урки, парки и снимут про баб валь кино:
Смотри, гроза хлопочет в мае, манага хлещет из ведра,
И баба зверя нанимает, чтоб ее пожитки перебрал.
И вот еще: поют колодцы, и фабрики встают в крови,
Вот внучек щурится на солнце без сна, без гнева, без любви.
Старик в пластмассовом корыте лежит, – и кажется – святой,
И шмель жужжит над головой холодной, пасмурной, раскрытой,
Над желтой яблочной листвой...

Я этого еще не знаю, я кошек в доме сторожу,
На старом атласе пишу: «Второго сына заковали»

СЕРГЕЙ ГЕЙЧЕНКО

Зрение

I.
Когда ты восходишь на холм, будь готов
К тому, что тебя увидят, а ты не увидишь.
Если взгляд и боится пространства, то
Только там, где оно детально. Глазной прыти
Не хватает, чтобы копаться во всех этих ветках.
Ритм их меняется чаще, чем знаки,
Сцепляясь конечностями, от предмета,
Который значат, прячась за спинами друг у друга,
Ложатся на лист рядами и все равно на груди
Заржавевших цепочек похожи; они одинаковы

Так же, как листья на дереве за километр
Отсюда. Сегодня мне снилась большая рыба.
Я летел верхом над лесами. Ветер
Был слаб, что довольно странно. Ибо
Мы с рыбой летели быстро, икра кусками,
Родинками из-под чешуи выходила —
Как у воблы — похожая на красный камень.
Я парил кругом, подъедая ее, реки
Петляющие внизу, сшиты были по мерке
Лены. Без особых глазных усилий

Я мог разглядеть берега и белок
На берегах на елях, но дальше свет
Рассеивался. Горизонт был белым,
Небо — бледным, как рубль в траве.
Зрение самоуверенно. Холод его перчаток
Не оставляет следов на предмете; но вера
В господство глаза ведет к отчаянию.
Глухих мудрецов не бывает, слепых — навалом.
И повисла лампочка, и тьма ее не остановила.
Вот Гомер, к примеру.

II.
Человек давно разучился моргать ушами,
Веко дает ощущение материала:
Не хочу — не леплю. Слух стоит на отшибе
Биологического прогресса; зрение потеряло
Рассредоточенность, узкая плоть зрачка
Не дает разбегаться уму, а ухо
Ровно смотрит вокруг; сетчатка
Во власти обзора, а височная доля
Не расслабляется, имеет более
Непримиримую функцию. Эхо

Зрения — это всего лишь пятна,
Пятна, гудящие, когда зажмуришься.
Память зрения необъятна,
Но она отпилена от природы.
В картинке нет вещества вещи,
А эхо плотнее, живот дрожит
От дыхания звука, который проще,
Гуще и больше, чем просто время.
Если время — сахар, то звук — варенье,
Если материя — холод, то звук — жир.

Пейзажа нет без того, кто на него глядит.
А звук отпечатывается в камнях;
И камням фиолетово, кто их распотрошит,
Чтобы увидеть следы на внутренностях.
Голос — это такое же время, как склад ума,
Стопка черновиков или ярус леса;
Без него материя — это гора дерьма,
Белок без азота, трепет без лани.
Звук выпрыгивает из существования,
Как кровь выпрыгивает из пореза.

Я стою в темноте посередине комнаты.
Ночью так, как днем, не походишь.
Налетаешь на мебель: Потеря скорости

в результате потери видимости. Природе
Удобно перетекать то в день, то в шорох,
То в гул, то в небо, гладкое и без дыр.
Звезды — это в каком-то смысле поры,
Через которые ночью на землю проходит власть
Громкости над подсветкой. Раньше она звалась
Выжимкой из апейрона, сывороткой
Времени, которое нами попрано.

И вообще одиночество часто питает звук
И шатает глаз. Близорукость идет от веры
В неподвижность природы, которая наяву
(И природа, и вера) сильнее, чем во сне. Споры
Коротких магнитных и длинных привещных волн
Рождаются движением в вакууме. Квартира
Пуста не в том смысле, что ничего,
Но в том смысле, что никого. И даже
Не знаешь, что хуже: смотреть на сухие окна
Многоэтажек — или слушать гуденье мира.

* * *

Расстояние никак не влияет на чувство
Близости одного предмета к другому.
За две тысячи километров к югу
Ты стягиваешь простыню с ног,
Потому что жарко. И уснуть не выходит,
Потому что я здесь сижу под лампой,
Но наблюдаю в окно твой номер.
И хотя я знаю тебя нетвердо,
Меньше года, механизм усвоенья
Чужого тела своею нервной
Сеткой работает как втулка велосипеда:
Односторонне и довольно плавно.
Сам же я сплю, как убитый вепрь.

ЕЛЕНА ГОРШКОВА

* * *

я не выдумал тебя и не видел тебя никогда
ты была всегда как с неба бывает вода
у наших врагов красивые имена
между нами страна темный лес и еще страна
дракон о семи головах такие пошли времена

кто сосчитает сколько колец на старом пне
сколько таких как мы умирает спина к спине
сколько таких очнулись на разных концах земли
сколько волшебных животных нам помогли

это была собака это была лиса
кочет запевший раньше на полчаса
жаба хранившая ключи белки приносившие еду
соловей напомнивший куда и зачем иду

если мы пройдем через не могу
встретимся у лодки на берегу
чужаки проплывут по середине реки
издали похожи на темные поплавки

* * *

редкая собака добежит до середины проспекта
когда на одной из крыш засел снайпер
но однажды я видела из окна
как одна выскакивает из-под грузовика
пролетает между легковушками
достигает спасительных белых полос
успевает вдохнуть и выдохнуть
(в этот момент я не слышу шума машин только ее дыхание)
полосы раздвигаются
открывая темный провал

Петрова

1.

[девочка говорит мальчику]

в детском саду №8 раздаются голоса
отпусти меня к Петровой поиграть на полчаса

не пущу тебя к Петровой бегать прыгать и стрелять
поиграй со мной в песочек и пошли со мной гулять

я найду в капусте дочку я куплю тебе сынка
мы построим дом из кубиков и замок из песка

поиграем до обеда а потом накормят нас
воспитателька придет поведет на тихий час

2.

Петрова знает дыру в заборе
Петрова убегает из детского сада
заходит в заброшенную котельную
ее не трогает Фредди Крюгер
а дядька с мешком ее боится
Петрова лазает по деревьям
вороны разговаривают с Петровой
дарят блестящие вещи
Оська опять дерется с Тоськой
Лешка и Леська пошли в тайное место
формочка накрывает песочек
Петрова надевает носочек
потом надевает второй носочек

3.

умирающий особенно одинок
родные готовят последнее торжество
он вспоминает девочек: похожую на Суок
похожую на Лолиту, не похожую ни на кого

многие выросли, другие не доросли
но в черноземной ли, в глинистой ли
где она, страшно, холодно там одной
думает: в песок положат рядом с женой

то привидятся ему в бреду полночной порой
памятники, толпящийся народ
то покажется: девочка склонилась над ним сестрой
делает искусственное дыхание рот в рот
он лежит на острове с высокой горой

* * *

на подушке чужая голова
ко мне приходит девочка которая мертва
я ложусь веки тяжелее свинца
днем я ношу ее черты лица
говорю ее слова

перебираю ее браслет
красное синее зеленое
потому что влюбленная
в девочку которой нет

встречаю другую она обходит меня стороной
однажды в воскресенье
она идет купаться со мной
целуемся в бассейне

я говорю я хочу рассказать
она говорит не говори
потому что нельзя рассказать
ничего нельзя рассказать что внутри

(вечером когда разговор затих
мы делим подушку на троих)

* * *

вечером повторяешь my hell my hell
дым твоей сигареты на уровне трахеи
удержав не выпуская в чужой
воздух который жжет

месяц рогами вправо двенадцатый раз
повернулся начертав серебряным «эс»
на убывающей действует отворот
только меня не берет

над городом дым над горизонтом огонь
я бы хотела немного побыть с тобой
спрятаться за твое плечо
прежде чем начнется еще

МИХАИЛ СЕМЕНОВ

Горная речь

*наскальная живопись, а так же наскальные письма
есть первобытное желание, первобытный порыв
перейти с поверхности «на»
«В»*

*мы на камне срубили рот
мы читали его язык
под него не течет вода
по нему не вода течет
неживая вода течет*

речь первая

тело земли/земля/дети земли
помнят себя/свою глубинную мать,
как накалялись, плавилась и текли,
как молодая медь.
после:
лежа в живой траве и живых песках,
гаснет бывшее внутреннее тепло,
мхом обрастают выпуклые бока,
холод сжимает плоть –
так каменеет плоть.

речь вторая

там где земля слилась в однородный хор,
там возносились каменные сады:
в тело небесное прорастают ладони гор,
тянутся и цветут позвонки-хребты.
выступы плеч, гибкие склоны рук.
здесь умирает слух, открывая зрение.
голоса нет. только далекий стук
говорит о падении.

речь третья

звук новорожденный хрупкий еще немой
тело мое зовут колыбелью звука
прикосновением сможешь узнать его
нет. ты не туда направляешь руку

Маки

Закрой, приходящий, глаза.
Закрой, приходящий, глаза, этот свет настоящий,
Это утро, растущее ночью, растущее внутрь,
Это утро, голодное страшное утро, звенящее вновь
И палящее вечное солнце – тебе не нужны.
О, закрой, приходящий, глаза.
О, закрой, приходящий сюда, свои слабые очи,
О, сложи, приходящий, свои опустевшие руки
На болящей груди. Отпусти свое брненное тело.
О, забудь свое старое имя, людьми нареченное слово, забудь.
Ты лежишь, и придворные поля роднятся с тобой,
И влюбленные смелые травы весной наполняют
Твою плоскую спину; разорвано платье твое.
Ты лежишь, и огонь лепестков тебя в губы целует.
Словно братья тебя обнимают цветы молодые –
О, прелестные маки, поющие чаши полей!
Их пьянящая влага тебя напоит, приходящий.
Эти красные чаши тебе напоют,
О, вкушай, приходящий, гремучую радость смотрящего вечность
растущего утра молчания чаши течения сока земного в сплетении
солнца немного звучания слова единого слово отныне и только его
повторяют познавшие сладость покоя забвение

Ибо здесь, приходящий, забудешь отца своего.
Ибо здесь, приходящий, забудешь печальную мать.
Ибо здесь ты забудешь отца своего, и печальную мать, и сестер.
Ибо здесь ты останешься.

Рябь

О чем говорим? О погоде?

Или о птице с самым большим клювом,

Или крылом?

Растрепанные косы плачущей ивы падают в пруд.

Мысль скачет с ветки на ветку,

Боясь подойти к воде.

Я вспомнил древнейший фокус:

Как всегда, мы не видим лица,

Но в жаркой прелести глиняных чаш

Угадываем присутствие рук.

Не моргай. Скатерть срывается из-под ног.

Чаши не двигаются с места.

Гляди, как стоят они, наделенные ложным равновесием –

Как кошка, потерявшая хвост.

Ей непременно падать во сне, а им

Стоять, задрав головы в страхе.

Кстати, кто-нибудь заметил, куда делся стол?

Был еще фокус с яблоком, но

Мысль сорвалась, плюхнулась в самую воду.

Вода поднялась во все стороны,

Побежала цветная рябь.

Как-то нечаянно один мудрец

Надел носки разного цвета.

А заметив, он наклонился это исправить, и выпал из окна.

Но не умер, а окунулся с головой.

Я уверен, искать нужно на дне.

Но рябь, разноцветная рябь не дает смотреть.

Пруд беспокоится, надо бы переждать, хотя,

Мы ведь еще не говорили о погоде?

Сегодня ветрено, здесь всегда ветрено.

И то, что нам нужно всегда было на дне.

И глаз, желающий заглянуть в глубину

Всегда отвлекается на птицу

С самым большим клювом,

Или крылом.

Не спрашивай, на чем я стою, и кто урвал скатерть.

Однажды слово поднялось выше, чем вода,

И молодой поэт захлебнулся.

То-то и оно:

Птица, будь она чем угодно, всегда не права.

Разговор не окончен, но слово

Встало поперек горла медной монетой.

Норманны

в трюме холодно

нам не хватает

платьев вчерашнего слабоумия

точно рыба еще живая

наши весла

мы бьем их об лед

снег идет

это плакальщицы неба

о мужестве нашем

слагают песни

в века

и каждому из нас

этого мало

мы достигнем того

что снегом покрытые плечи

будут сниться солнцу

до конца

дней

Стекольщик

Вещи окончены и теплы.
В спальне стекольщика полдень плыл.
Солнце оконное, стены, тени,
Лампы спокойные в темноте.
В теле окна пустотелица,
Неба спина стелется.
Сном веет. Стекло пьянит –
В нем день как утопленник.
Сильные стебли оконных рам
Опаленный держат храм –
То окно с крестом в груди
Только помнит место, где:
*Лампа левый режет глаз;
Жжет алмазная игла;
Злой стекольщик на столе
Срежет плечи белые,
Смажет петли новые,
В платье дубовое
Вложит. И в былой груди
Будет свет идти.*

Теплые косы полей лились –
Темные волосы день сплели.
Тянется, колется ночь плющом;
В спальне стекольщика – нет еще,
В спальне стекольщика свет его,
Вещи окончены, нет его.
В щели замочное зарево.
Вечер застелет глаза его.

Оловянный Бонапарт

что ни война, так погода все хуже
в русской печи нестерпимый мороз
по ломаной суше плывут неуклюже
цветные мундиры игрушечных войск

стоит на ножах прокаженная стужа
ухватом прижат на снегу Бонапарт
он лезет из кожи и смотрит наружу
и рвется наружу бросается в жар
и падает вниз в обожженную лужу
бермудские где треуголки лежат
и плаваются вряд одноглазые ружья
французская пыль одноногих солдат

он хочет назад он устал и простужен
его оловянные руки дрожат

АНАСТАСИЯ КАМЕНЕВА

* * *

однажды –
было это несколько раньше чем сейчас
я утонул в номере журнала советская архитектура
кажется за 1991 год

он служил дном синего картонного ящика
стоявшего в коридоре. я боялся человека с обложки
он был весь белый твердый безглазый
охваченный гибельным камышом высохшего болота
окаменелый. я еще не знал что это была инсталляция!
я думал что это такая смерть и возможно был прав
рост ненамного выше этого синего ящика
позволял мне мешать жизнь с искусством
чем я впрочем грешу и по сей день

я вышел в коридор стукнувшись о дверной косяк
и встретил его. он стоял передо мной
весь высохший. окаменелый. я не успел испугаться.
хотел разглядеть лицо и не мог. свет ослеплял меня
тонкими линиями бегущими из окна

белая рука закрыв мне глаза
утащила в гибельный камыш
кажется я слышал треск
и еще что-то похожее на слова
свет форма структура фактура архитектура

так я стал белым и гипсовым

время отлива

я ничего не могу сказать
теперь не то время когда прилив
ворочал во рту гладкие камни слов
и я даже боюсь взять в руки тетрадь и открыть ее

я
что говорить обо мне
я сто раз умещусь на кончике того пера
которое извергает из себя эти стихи
я стал чуть менее единицы
и хотя все еще чуть больше нуля
но неотвратимо стремлюсь к нему
в бесконечном напрасном беге от –
ветер поворачивает меня вспять
гонит песок
к полосе отлива

* * *

(написано в ожидании поезда на ст. м. Варшавская
напротив декоративного панно, изображающего предположительно
один из городских видов)

я бы не хотел жить в черной варшаве
в железной чугунной шершавой ржавой варшаве
в черных домах где живут жестяные люди
где нильс с голубями глядит из щелей в полу
– с гусями
– неважно
клянусь я бы не хотел

я так устал этой жуткой ночью я так устал
я так боюсь оживающих страниц из книг
с рисунками железных черных домов
выползающих полчищем челюстей
что восстань они на меня к примеру сейчас
я бы застыл от ужаса я бы не смог

(поезд увозит меня к автозаводской
ригой огней
я перевожу дух клянусь я бы)

вымолвить и слова

НИКОЛАЙ АРТЮШКИН

Письма названому брату

Андрею Абросимову

1.
расскажи мне, братко, как ты живешь
как мы в Древнем Риме кололи рожь
как я был гетерой, а ты рабом
как мы били яйца холодным лбом
как в соседский табор ввели войски
как я был конвой, как ты брил виски
расскажи, как плакали у Креста
расскажи, как ты занимал места
расскажи какого в семь сорок пять
ты закрыл глаза и пошел искать
размахнись рука, развернись плечо

расскажи мне, если обрящешь че

2.
ты не пишешь писем но ты извне
эти письма как бы читаешь мне
первородство наше нелепый спор
у кого перо у кого топор

став не землепашцем не пастухом
занимаясь малым своим грехом
и тем больше стадо земли пашу
ты уходишь дальше чем я пишу

если встретишь вдруг передай отцу
я люблю тебя от меня мацу
соберем из букв глагол добро

я тебе не сторож отныне бро

3.
Старый равви, помнишь, писал стихи,
он ловил строку на манер блохи.
«Мы в саду с деревьями без имен
и гуляем в нем до конца времен.

Это дерево клен – называем – Клен,
но «я вас любил...» – если был влюблен» –
а мое письмо – имя дерева на
коем мы нацарапали имена.

Сокращенно – Наше. Где мы с тобой
воровали яблоки, где любой,
кто прошел по веточке до конца
получал, как сказано, от отца.

И как семя падал – не в сад, но в лес,
из кого не вылезешь, как залез,
где ты ходишь, братец, в каком лесу?
погоди, я имя произнесу.

Старый равви, помнишь, писал насквозь,
каждым словом в тело вбивая гвоздь.
Наше Дерево – раны кровоточат,
и шумит листва, и уста молчат.

* * *

Паводок Ахерона переплывая кролем,
там, где росли березы – ныне живой гашиш,
здесь Гаутама Будда передавал пароли,
вымылся перед Смертью – и показал ей шиш.

Днесь проступал Вергилий, и появлялись мошки,
и, знаменуя что-то, каркали петухи;
здесь Александр Пушкин ел на снегу морошку,
тянущимися в небо женщины и стихи.

Пусто под капюшоном, нет позывных Олимпа,
здесь ничего не ловит, громко шумит вода;
кто-то уходит в Лету, кто-то уходит в лимбо,
кто-то туда уходит, и не сказать куда.

ДАРЬЯ СМИРНОВА

кнопки и отпечатки

ночью что-то сгорело.
соседи напротив сжигали бесследно
души, свечи и письма.
собаку, что прошлым утром еще жила
в нашем подъезде,
задрали чужие.
отпечатки кровавых лап
на замерзших ступенях.
а соседу с третьего
с вечера вместо собачьего воя
слышалось птичье пенье.

слышалось, да не поверил.

ночью где-то горело,
а пахло кровью и снегом.

нажимая в лифте на кнопку,
еще не думаешь, что не доедешь.
самая верхняя кнопка не дальше вдоха
(кровью, в лифте пахнет собачьей кровью)
выдох – и вот я застряла
между моим и твоим.

выйди из дома.
не бойся, уже не увижу. я в лифте.
и теперь куда ни пойдешь ты –
собачья кровь
отпечаток твоей подошвы
нарушил рисунок синичьих лап.

тот, кто слаб,
тот и снимет со снега сливки.

на застуженной лоджии
между нашими этажами
жестяные банки, фольга и, кажется, лыжи.

вот и дожили.
это не само-жалость.
я застряла,
мне нужно выжить.

пальцы в крепких кольцах годичных.
хочешь знать, сколько лет, – посмотри на спил.
лед, молитва собаки и вой,
глубокий и птичий.

я весной прорасту
на снегу,
куда ты наступил.

на хлебных крошках

Кто-то зашел из кухни. Зашел и выпил
то, что наснилось, опивки пропавших писем.
Время — пустых постелей густые кипы.
В утро соринку бросишь — оно не скиснет.

Время во сне проходит куда быстрее,
Пачкая простыни. Думаешь, я поверю?
Вечер в июльский труп запускает стрелы.
Ухом к подушке я вновь ощущаю время.

Нитки размотаны, пахнет вином и гарью,
пахнет виной, пригорелой тоской и фальшью.
Время под утро целует чужого парня,
курит захлеб и крадет дыхание наше.

Дети съезжают с горок. В горах озера.
Старые люди смеются над общим прошлым.

*Время посеявшим больше не снятся зерна.
Мы беспокойно дремлем на хлебных крошках.*

на балконе

солнечно как. выношу себя на балкон,
как старую, в хозяйстве больше не нужную вещь.
сюда бы гамак. повесить на гвозди. и лечь.
если б не этот хлам.
человек, с которым мы пишем письма
друг другу, уехал в братск.
я по восемь страниц без пробелов,
он четырехсложно: ты где ты как?
все здесь.
дотянуться хочу.
но до братска мне далеко.

зато до сестры – один троллейбусный шаг.
раньше захлебывались, теперь по колено жизнь.
во сне временами слышу: врач громко: дыши дыши!
и крупным планом лицо ее малыша.

в детстве она заперла меня на балконе
нечаянно. я виновата сама:
расставляла картонных солдатиков в два ряда
и совсем неслышно для мира шептала пли.
и она не знала конечно о том, что я там.
был июль или август (не суть) все на пляж ушли
с лимонадом в пакете.
а я начала рыдать.

это теперь я уже не боюсь и знаю как это – быть одной.
одинокость это когда трех редисок неправильной формы
половины холодного огурца
и трех вялых побегов укропа
достаточно, чтобы сделать салат и наестся.
это когда тонкий порезанный палец некому перевязать.

и пол на балконе такой же холодный, как в детстве.
звоню уже ночью: приди, пожалуйста, Катя.
это что-то важное, нет, не про жизнь и смерть.
это что-то такое... это только про нас.

приди, хотя бы затем, чтоб балкон запереть,
хотя бы затем, чтоб не дать мне уехать в братск.

ЕГОР САЛЬНИКОВ

Сказка

Буратино сидит на коленях у папы Карло.
Он понимает, что в Ленинграде нехватка дров.
И на длинном носище капля смолы засверкала
...у Буратино насморк – дедушка вдруг пошутил.
...просто он плачет – серьезно сказала мама –
И дожигала в буржуйке срезанные провода.
А троллейбус внизу оказался убитый мамонт
Вечная мерзлота скоро скроет его от всех.

Гном умирает

В доме, где каждый угол пропах коньяком,
В доме, где скрипы диванов хранят интим,
Медленно умирает старенький гном,
Мы ему песенку посвятим.
В доме прочнее стен оказался плющ,
Время не важно, цвет также не определен.
Запах немного приторен и вездесущ,
Будто бы папин одеколон...
Счастливы те, кто умирает во сне:
Табурет – подоконник – карниз в четырех шагах.
Спутниковая тарелка, привет луне –
И полетели, как Марк Шагал.
Рефрижераторы ночью обязаны мчать
Свой груз в города, ну, допустим, что крем-брюле.
Смерть на груди водителей ставит печать –
Марки авто на руле.
Встречные дальним мигают и пьют в пути
Энергетик. Запасы бодрости на нуле.
Смерть также ставит им фирменный логотип,
К примеру, крестик от Шевроле...
Руль вынимают из ребер. По чьей вине –
Спорит милиция. Тает брюле на сосне...

Иосиф Бродский тоже почил во сне.
Счастливы те, кто во сне.
Нет, он уйдет не так, он сыграет с Ней
Партию в шахматы, пыльный камин разведет;
Шахматный стол, потерявший двух черных коней,
Похож на щербатый рот.
Включит транзистор (он пережил столько бурь,
Что более на самогонный похож аппарат):
«Буль-буль-форматнеформатныйформат-буль-буль-буль», –
Колется слово формат.
Вот так в черно-белом формате бесстрастно и бес-
Помощно как-то, всегда завернувшись во фрак
Фокусника, но не совершая чудес,
Он сподобился, как дурак
Скучную жизнь провести и отбросить коньки,
Строго по правилам жить, переплюнуть страну...
Но если все время затягивать туго колки,
То скоро порвешь струну.
И вот уже осень в висках завершает свой цикл,
И проигранная ладья проложила маршрут.
Братья? – Кто в сказках пропал, кто подался в цирк,
Белоснежка уехала в Голливуд,
На пенсию вышла, купила ручного льва,
Гнома устроила ей сторожить особняк...
Теперь в психдиспансере. В фильме «Сансет Бульвар»
Рассказано, почему и как.

Грустная песенка. Буду держать пари:
Вряд ли вы будете вальс танцевать под нее.
Гному соорудил бы я рыжий парик,
Но это ведь будет вранье...
Ну, вот и все; и мой гном положил в чемодан
Смену белья, осмотрел свою жизнь от и до –
И дыханье его улетело за чем-то в даль,
Как память Ани Жирардо...

2009

Переезд

Максу Максимова

Страшно, когда отец по ночам кричал...
Что ему снилось?
Под грузом из простыней,
Под тяжестью полувека – скафандров и перестройки
В космосе этой кровати?
В этой кровати – мне снится похожий сон –
Я убегаю от папиной страшной щекотки,
Но, как во сне, пружинит матрас,
Ниточки вместо ног,
И я не успеваю.

Вот ваша мебель, выброшенная за борт,
В лес на траву,
Она растет по ночам, как гриб-боровик,
Улитка ползет по торшеру,
Сказка шагает туфельками по росе:
Добрый король перевел все куранты на час назад,
И я не успеваю.

Много тепла и моря – вот вам тепловой удар,
Перегрев.
Люди в застрявшем лифте вздыхают:
У них перегруз.
Интоксикация в январе – перепил.
Слишком много езды превращается в *переезд*.
Самолет летит над Венецией, сея прах,
Слово – священным огнем – перевозится в сверхзвуковых поездах.
Липсинк,
Звук опоздает догнать картинку,
А значит – недоговорят, недолюбят, недоцелуют,
Слово провалится во временную щель
Так как приставка пере- предполагает недо-,
Это ее кухня-анерексичка.
Провалы в памяти,

Отцепленные вагоны,
Где я, человек рассеянный, вновь очнусь,
Объехав весь свет – в точке соприкосновения с Ленинградом.
Поезд идет вне времени и пространства –
«Невский экспресс».
И я не успеваю...

...Читать. У Рембо эпилепсия в библиотеке,
В надежде хотя бы сотую долю осилить –
Крики и пена.
Я не увижу этой библиотеки.
Заливы Ригли плачут по мне вспотевшими льдами.
Но где-то же плачут – сейчас!
Вот к дому подъехал фургончик с надписью «Хлеб»,
Где хлебом не пахнет, пахнет скорее мясом.
Взяли священника.
Сны и молитвы прервались, и снова звонит не в срок
Предатель-будильник.
И я не успеваю...

«Мама, не плачь, это легкие метастазы – так врач сказал,
Как же ты плачешь...
Нас скоро переведут
В бокс выздоравливающих, там светлый купол,
Как карусели.
Я иногда забываю какие-то буквы,
Но по вечерам мне приносит хорошие книги
Черный священник – тот самый, что шел в метели,
Снег поливал его брови, рюкзак и шапку,
А он все шел и нес эти книги
Мне. Одну книгу он уронил.
Я звука тогда не расслышал, совсем не слышал,
Я не расслышал, как книга упала в снег:
Мы в магазине сидели, а он шел по снегу.
Я книгу потом увидел открытой и очень грязной.
...ГЕЛИЕ ОТ ИОА...
Было по-моему много гласных, но впрочем
Я иногда забываю какие-то буквы.

Врач мне сказал, что это пройдет, что все хорошо,
И я не умираю».

И я не успеваю...

2009

Иван Купала

К себе – от себя. Это двери бегут, провожая влюбленных в туман,
Им сенокос расстелил покрывало из синяков и ссадин.
Голодным до поцелуев сегодня приснится влюбленный цыган,
А жадным в любви – так, конечно, цыганская свадьба.
Гости устали, стучит на ветру окровавленная простыня,
Мы расчесали болячки гитары, и больше не спеть ей.
В это похмельное утро возьмите в дверной свой полет и меня,
Наша усталость так просто снимается с петель...
День был так бел, децибел не жалел, как хороший панк-рок,
Был белый шум, белый бал, он вливался в гортань Паваротти.
День был – как гипсовый ангел, как та пустота между строк.
Синева проступала сквозь дым фотографиями на Polaroide.
Мы согрелись теплом уходящих рук, не делимых на после и до
Их ухода – и вновь разжимали ладонь, поскрипывая виновато.
Только слышишь? Кто-то сюда стучит,
knock-knock-knocking on the heaven's door
Припади к дверям, покосись глазком, так похожим на иллюминатор.
Никого там нет – на такой высоте. Это души ушедших детей.
Сквозь туман проступают обрывки гор, клочки Марианских впадин.
Над похмельным миром дежурит патруль из распахнутых настееж
дверей;
Города клубятся внизу, как горсть фиолетовых виноградин.
Дети, мальчик и девочка, теряются в высокой траве.
Она его гладит травинкой по голове.
Жена – мужу: остепенись же, ну!
Ты как жил, так и живешь на эмоциях.
Муж смеется. Потом обнимает жену.
Девочка тоже смеется.

АЛЕКСАНДРА СОБОЛЕВА

* * *

губы пересыхают от слов
вычерпывая из нутра из глубины веков
звуки которых и вовсе быть может не помнит язык
ничего не сказать
тишина слов сродни тишине рыб

прислушиваюсь.

* * *

Вместо того чтобы заводить семью и детей
женщины заводят собак
и другой суррогат тепла
и гордятся ими.

Выйди из этого строя.

* * *

Раскрытая книга становится буднями
Бумага засижена мухами
Закапана воском
Чихать от пыли
Переплет доски в коже
Застежки медные
Одна утрачена
Кажется еще одна рукопись и сойдешь с ума
Открывая лениво
замираешь от нового чюда
миниатюр
И еще только один список
еще один
Говорят так начинается вечность

* * *

Свечки всегда заметнее лампочек любой мощности
их можно взять с собой на замерзшую реку
защищая ладонью от ветра
прильнуть к воде ставшей твердью
смотреть сквозь лед как рыбы переживают зиму
приманивая их светом
слушать неведомые песни
о дне колодца в который ныряет звездами небо
каждый раз надеясь приметить еще одну
неизвестную рыбу.

АННА ОРЛИЦКАЯ

Лес и девочка на фоне неба

1.

не загромождайте лестницы и аварийные выходы
когда в этом здании случится пожар
девочка в голубом сарафане
не сможет выбежать во двор
от огня и дыма, под вопль пожарной сигнализации
и гудки машин МЧС
она станет прозрачной бабочкой
и выпорхнет сквозь вентиляционную решетку
навстречу ослепительному небу
в ее крыльях будут отражаться облака
и зарево горящего бизнес-центра
она полетит над обезумевшим городом
осыпая его серебристой пылью
со своих шелковых крыльев

город накроет волной ожидания
и все часы остановятся

2.

девочка открывает книгу
листает страницы леса
картинку за картинкой:
сосны, дубы, лиственницы –
как гербарий –
хвощи и папоротники

девочка знает:
папоротники никогда не завянут

на их листьях записана история
выцветших континентов и остывших морей
каждой окаменелой рыбы
и каждой капли дождя

ставшей древесным соком
давшей жизнь сочному разнотравью

девочка перелистывает
и перечитывает
зашифрованное прошлое
своего леса

в комнату пробирается утро
минуту назад погасившее фонари
девочка захлопывает книгу
и лес просыпается

3.

сова прикидывается мышью хочет казаться тише
прислушивается крыльями не шуршит:
с ландыша капля упала
у ромашки лепесток засох
тропинка между кустов проползла

только деревья на фоне неба не шелохнутся

девочка прикидывается полевыми цветами кленовой порослью
ветер играет ее листьями в наступление осени
расплетает ее куклам волосы
перелистывает ее книги

буквы прикидываются точками слова многоточиями
только начнешь читать – и тут же все перепутается
в каплях росы вместо слов растворятся смыслы
строчки прикинутся змеями зашуршат в траве

4.

девочка идет по лесу с тремя корзинами
в первую собирает бруснику
этими коралловыми бусинами
она украсит деревья
оплетет рукодельными ожерельями кусты и травы

во вторую корзину
девочка собирает листья
чтобы зимой после снегопада
украшать ими, уже высохшими, комнату
засыпать под их шелест
вспоминая о летнем лесе

в третью корзину
девочка собирает слова
дома она засушит их
между чистых страниц
и будет листать
самый полный в мире словарь

5.
не более девочка прошу тебя не более
а если болеть – укутывайся теплей
сколько уже из августов родилось сентябрей –
двадцать один, и все на твоём счету

в твоём городе листопад засыпает на крышах домов
а под крышами засыпают дети с плюшевыми зверюшками
сегодня твой город гигантским одеялом укроет ночь
и ты под ним – спи, усни

белый мишка как верный любовник
в плюшевые объятия тебя заберет
из самых кошмарных снов

его ватное сердце исколотое иголками
в заморозки тебя согреет
его пуговичные глаза до утра
будут с любовью на тебя смотреть

6.
приплывай ко мне рыба
будем с тобой решать

в какую бездну нам еще вместе нырнуть
в какую яму еще вместе упасть

прилетай ко мне летучая рыба
будем с тобой гадать
сколько ты сможешь звезд проглотить
и долго ли будет светить луна
если не платить за свет

приходи ко мне девочка-рыба на каблуках
с накрашенными ресницами
буду тебя обнимать
сладким чаем поить
и когда мы пойдем с тобой по бульварам гулять
будут над нами стайками облака кружиться

приплывай рыба
ты так часто мне снишься

* * *

при слове *вечер*
теряешь самообладание
ждешь, что занавес вот-вот опустится
актеры покинут сцену
и зал опустеет

при слове *листья*
неожиданно вспоминается:
Москва, последнее августа, мост через Яузу
и хочется ощущать
каждую каплю дождя
кожей

при слове *воздух*
освещение тускнеет, туман рассеивается
окна едва различимых на горизонте домов
загораются прощальным закатным светом
гаснут

при слове *прошлое*
слышишь
как высохшие лепестки
оппадают с прошлогодней розы

при слове *вчера*
в комнате гаснет свет

* * *

раскаленное солнце встает над желтой горой
с вершины спускается день в шелковом кимоно
отбрасывает с лица золотистую прядь волос
молчаливо ждет

наши взгляды встречаются у подножия желтой горы
руки вплетаются в кованую решетку в попытке достичь друг друга
раскаленное солнце в небе чертит дугу
бликами разбегаясь по спящим волнам

скрещиваются дороги – на север и на восток
солнце за желтую гору скатывается – не найти
вечереющий город пахнет дымом и позапрошлой весной
небо роняет на землю первые капли дождя

Неправдоподобные поезда

1.
с вымышленного вокзала уходят неправдоподобные поезда
промокшие, с вывернутыми ветром зонтами
в прохудившихся сапогах
идут пассажиры поезда «Москва – Бесконечность»
у каждого в чемодане несколько минут
у кого-то час
у кого-то неделя
это все, что им понадобится по прибытии на станцию назначения
где их встретят дрожащие секундные стрелки вокзальных часов
и первозданная тишина, переполняющая воздух

2.
неправдоподобные поезда никогда не опаздывают
всегда отходят по расписанию
и никто никогда не видит их машинистов

3.
на ленинградском вокзале в Москве
есть интернет-кафе и несколько залов ожидания
на станции Бесконечность
только ветер
и фонари, излучающие пустоту

* * *

глупый ворд читая мои стихи
говорит:
слишком длинное предложение
я не понимаю
слишком много слов
автор поставь запятую
автор, поставь запятую

глупый ворд записывая за мной
под диктовку пальцев
говорит:
слишком быстро
не могу уследить за мыслью
слишком длинное предложение
я не понимаю

глупый ворд перечитывая мои стихи
возмущается:
предложение не согласовано
я не понимаю
слишком много слов
слишком много смыслов

автор, поставь запятую

ОЛЕГ ЗАДОРЖНЫЙ

* * *

Плотности смеженных век
В подробностях разлитое,
Отсветы палящего зноя,
Живое брожение инея.

Радужный житель края,
Где впадины вежи горят,
Живительная струя течет,
Колодезь теплом наполняя.

Из глубины ила – манила,
Гнала – во глубину ила,
Нагая Дельфира, эфирная,
Нимфа речного дома.

2.04.10

* * *

Горизонтальные грозы бликовали,
Извода капли дождя светоструйные,
Далеко разносились грохоты зова,
Закатные искры земных отражений.

Рисуют границы без точек опоры
Глубоковосиние громады облаков,
Застилающие последние лучи солнца
Под раскаты грома, упавшего за горизонт.

Сквозь внутренние узоры тишины
Бегущие по тротуару ошалевшие лица.

25.06.10

* * *

Условием отсутствия света,
Нарожденные в скорых встречах
Уходящих в даль поездов
Верстовые столбы заката.
Раскатанные поперек ладони
Ледяные метаморфозы
Звенящих оснеженным ладом
Морены, стихии отсутствия
Света условия были.

Уловлены золототканые
Нитевые отводы сил
Слияний во скорых встречах,
Сведенных в одно звено
Онеги, несущейся в снег.
Вести навьюжило сонм
Музыки уходящих в даль
Поездов проносятся струны,
И горят верстовые столбы.

И гремят, распаленные скоростью,
Ледяные метаморфозы
Ладони, стремительно поднятой
Знаком, вплетенным в распутье
Звенящих напутствием поездов,
Оснеженным ладом зовущих.
Раскатанные поперек снов
Морены, слиянием символа
Стихии восьми ветров.

20.10.10

МАРИНА ЯУРЕ

* * *

Когда мне было
семь,
из всех сказок
я больше любила те,
в которых русалки.
Мечтала:
постылые ноги
срастутся
в мокрый,
рыбой пахнущий хвост –
и я поплыву.
Прошлым летом
гуляла по южному пляжу:
залежь бикини и плавок,
голые дети,
ракушки.
За сотку фотограф
превращает в русалку.
В придачу –
пара брюхатых коньков.
Живописный валун,
парик цвета тины,
медный, крупночешуйчатый хвост
и море блещет – для фона.
У самой воды
на камне
девчонка-подросток
разлеглась в позе бляди,
глядит в объектив.
Интересно,
когда ей было семь,
она тоже мечтала,
что станет русалкой?

11.01.2010

* * *

Оставьте мертвое мертвым,
Занимайтесь своими делами.
Я не хочу,
Чтоб к Атлантиде вела бетонка
С указателем «200 метров.
Туалет. Стоянка. Кафе».

КОНСТАНТИН КОМАРОВ

Питер

На Васильевском острове плавленный ел я сырок,
я бы мяса поел, только денег уже не осталось,
уезжать не хотелось, ведь здесь даже в крике сорок
что-то слышится, кажется, будто бы из Мандельштама.

Я влюблен в прямизну этих мощных уверенных линий,
что томление пространства практически сводят на нет,
рассекаешь по Невскому, словно какой-нибудь Плиний,
а не как по Свердловску убогий свердловский поэт.

Питер, я прорастаю в тебя до упора,
до излома сетчатки, до звона пустых позвонков,
я тебя увезу далеко, за уральские горы,
Питер, я тебя в строчки упрячу и буду таков.

Вечереет уже, и в Неве, как в зеркале летейском
отражается все, что я знаю теперь наизусть,
и туманное небо щекочет шпиль адмиралтейства
и, пришпорив коня, Петр топчет посконную Русь.

Послезавтра уже поднимусь я немного фатально
на родной и привычный, заплеванный третий этаж,
и по дням потеку с безмятежным спокойствием Фонтанки,
утешаясь лишь тем, что зафоткал я весь Эрмитаж.

Но доеден сырок и осталась одна лишь сорока,
неспокойно бедняге, кроит побледневшую тьму,
и на этот раз чудится что-то как будто из Блока,
и молчит Петербург, но отвечает вечность ему.

* * *

Отсутствие вещей еще терпимо,
страшнее, если нету вещества
и за окном моим куда-то мимо
пустого мира падает листва.

На потолке гнездится что-то злое,
от вакуума страдает голова,
в тетрадах толстых под чернильным слоем
беспечно растворяются слова.

И толку ни на грош душе нетленной,
когда ее во лжи не укорят,
капроновая тишина вселенной
абстрактна, как и всякий звукоряд.

И я уже не ощущаю пластырь
на пальце, что об воздух раскровил,
с небес осенних вниз стекает плазма,
бессильная земле прибавить сил.

Я поглощен привычным этим адом,
но есть еще единственная нить.
Как хорошо, что ты со мною рядом:
тебя-то уж никак не отменить...

ОЛЬГА ТУРКИНА

Волосы

В подземелье взлетает стареющая блондинка
с опутанным волосами красивым лицом.
Всю ее красоту шатко, но бережно держат шпиди замшевых сапог.
Аккуратно покрашенное тонкое лицо, вразной штрихованное,
но каждая морщина не случайна. А служит подчеркиванием
красивых кусков.
Блондинка несамодостаточно улыбается, едва. Так улыбаются люди,
извиняющиеся за свое существование и
торопящиеся дожить.
Тут я понимаю, что над красивым лицом сплошная седина,
возможно, брюнетки, шатенки, рыжей.

Нежное

Не верится – я – верю громким словам
Словам в ее шепоте байково-черном
«Я все-все свое лучшее сбегрю тебе, ой, Вам,
Ладно?» и обрамляет мне ухо ладонями, челкой.
«Правда, осень родное создание?» – спрашивает под утро,
А я вглядываюсь... эту осень увидеть трудно
В темно-сизом окне, возвращающим взгляд отраженьем.
Жму плечами – скажи, почему не желтеют деревья?
Пропадают, а не падают листья, и ползают птицы...
Не вижу смысла смыслить в мире ситца.
Дверной щелчок. Дышу босая у окна, и в спину
Она мне смотрит кратко. И уходит. Я взгляд скинула:
В окне светает; вижу, машет уходя, и будто
Взлетит, туфли ее как черные птицы.
Бумага смотрит на меня сквозь буквы,
Как мы все утро сквозь ресницы.

Дереветер

Дерево ловит всеми ветками ветер, наматывая на себя, оставляя себе
Его шали и ленты, кашне и шарфы, а Ветер
Ловит древесный запах, уносит в себе, расточает вовне.
Известное сочетание.

Дерево берет самые свежие ленты Ветра, плотные или северные...
Вот валяется у ствола деревянная рука, отрубленная за воровство,
Самая сильная, самым сильным порывом ветра.

ЛЕВ ОБОРИН

Переводы в первом приближении. Часть 6

женщина с любовью смотрит на ноутбук
из него растёт голова
как же он передвигается, не вижу колёсиков
– милый, привет! я так соскучилась!

художники в мастерских работают для времени
когда люди станут машинами
теоретик, поглаживая бороду, объясняет:
– вы же не участвовали в рождении вашего соседа
но все равно говорите мы
так и о машинах будете говорить мы
боже, как голова болит
сдохните, идиоты

дети идут в зоопарк
художник рисует их мертвыми
каждому свое, свой баланс, своя экстенсивность,
свой шлагбаум, свой сон

* * *

Индусы опиум сушили,
британцы опиум ввозили,
китайцы опиум курили —
вот так и жили, так и жили.

Что в голове моей больной,
когда во сне я улетаю
сквозь тубинги метро к Китаю
и возвращаюсь как хмельной,
с недосвернувшейся виной?

Чтение Бодрийяра в электричке

1.
Предлагается вечная спичка,
цена ее 100 рублей.

Едет вечная электричка
посреди голодных полей.

Между двух воздушных цилиндров
путь в ненужное место выдрав,
пробирается из депо,
сверхтекучая, как дерьмо.

2.
непонятно может надо
разве спрятаться на марс
от грядущего джихада
против горя от ума

брезговать любой связью
кроме сочленений крыл
и потом напишут вязью
тише ехал дальше был

3.
Дети! те, кто хочет выжить,
прочитайте много книжек.

* * *

может не все такие как я
может запоминают
может внимание обращают
может быть понимают
может когда-то с частиц считают
то что они видали
в день когда все грехи простятся
и возродятся детали

* * *

Алексю Королеву

эй, звено развития
через пять минут
лопасти развинчивающиеся
тебе подмигнут
ты всегда мечтал увидеть
как взаправду не в кино
падающий недовитязь
сучит ножками смешно
и кричит на совесть
и в болото опля
как в чесночный соус
печеная картопля
а над ним огнистым шаром
раздымляясь на клубы
взрыв растет и с легким паром
с неба падают кубы
кривошпы и полозья
и стекла многоголосье
вот и винт хвостовой
под винтом ты не стой
вот тебе живое чудо
то есть мертвое уже
давний топос голливуда
в распоследнем вираже
и в груди твоей поет

круть
взорвался вертолет

но тебе не надо крови
разве только красный морс
в русском не латинском слове
что касаемо до тела
тут возможен аутсорс
в пластилиновых наделах

и конструкторные рейки планки скобы и винты
эти дырчатые хлебцы на пределе высоты

только знай трещат цикадой
видя поле впереди
подожди постой не падай
из-за дерева уйди
и глиссадой
ясной
ловкой
божьей крапчатой коровкой
дальше знаешь сам, поди

черного и белого
только не горелого

сердце, победы

* * *

Сижу в лесу
в избе сижу
капает с прокислого бревна над порогом
прочерневшие бревна избы

Светает мало
все больше туманно
качается веревка в рыжих грибных комках
будто свет ловят грибы

Стекло не протерто
в банке протертая
брусника с песком драгоценный песок
ниоткуда его не добыть

Берегу лелею
ноутбучную батарею
раз в год что-то пишу небольшое
года на три хватило бы

МАЙЯ РУЦКАЯ

Памятка

притворись дальтоником; выходя из дома
проверь свет и выключи воду
не забудь с утра выпить чашку кофе
и подарки к новому году

выходя на улицу смотри влево и вправо,
светофоры меркнут, и различия мало
красный желтый зеленый
а потом сначала.

фонари и кофе – все начнется снова
не забудь листок положить на виду
а когда унесешь, план составив на завтра,
за тобой придут

* * *

завтра будет, но сегодня...
сегодня я уйду по тихим улицам
не важно, какого города –
в горе, в радости и в ночи
все города мира одинаковы
интересны и таинственны, как сны романтиков
я проснусь на канале, в сквере или на набережной
реки или моря –
что важнее для города, там и проснусь
я устану гулять в своих или чужих –
или чуждых – снах,
уйду и в подворотню, спрячусь от ищущих – не обрящут –
уйду в рассвет –
вот только дойду ли?..

* * *

я не знаю, какое сегодня число, месяц, год, неделя,
я не помню календарей, вех и дат.
по погоде сегодня ноябрь с четвертью апреля
что же делать и кто виноват?

у весны аллергия на воздух и прелые листья,
на растаявший снег и на осень под ним, на цветы
заперться бы дома, но время не ищет корысти,
в прошлогоднем апреле теряются наши следы...

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВ

* * *

Падает зернышко мака, фиолетовый цвет, умножаясь, движется
к выходу.
Зернышко мака, я не жду гостей, я жду смерти макового цветка.
Вспышка.
Падает зернышко мака. Асфальт обнимает босые ноги. Двигается
к выходу
Злой самаритянин, украд твой цвет, его трубка напускает на город
туман.
Подари мне цветок, гордый самаритянин. Муравьи растят мак у меня
под полом,
и ноги босые асфальт обнимает, гостей я не ждал. Падает, падает
зернышко мака.

* * *

Перепиши пустую тетрадь своих снов, Сомнамбула,
Ты слышишь, как хохочет под ступнями асфальт? Перепиши.
Перепиши пустую тетрадь своих снов, ей уже не долго осталось
хранить
Твои маленькие, бестелесно-светлые запятые.
Ты слышишь, трескается бумага, трескается и истекает смолой?
Она просит огненных таинств, Сомнамбула. Перепиши.
Перепиши пустую тетрадь своих снов, ей недолго осталось хранить
тебя ветренными ночами,
Хранить тебя, случайного ребенка, проглотившего кусочек Луны.
Перепиши. Перепиши пустую тетрадь своих снов, Сомнамбула.
Перепиши.

МАРИЯ РОЖКОВА

* * *

Никиту как будто выбили в городки:
он помнит цепочку спящих собачьих тел
вдоль забора. помнит, как он вертел
железный обруч на животе.
помнит, как руки горели, плотный зажав снежок,
как за домом траву поджег.

стоит-качается саженец без опор:
помнит, как появлялся пар
от холода. не зная тогда, как девичий влажен рот,
знал зато: Никита – Атикин наоборот.

помнит, как руки отбеливала мука,
как мать кипятила белье, утапливая в воде
простыни, скатерти, пододеяльники, наволочки и как
туман поднимался от кипятка,
как никогда нигде.

Никита помнит, как жук озвучивал коробок,
как неваляшка звонко била о землю бок,
как нежные губы касались горячего лба
во время простуды,
и как во дворе заканчивалась борьба:
под крики «Никитка, бей!» обваливались на траву,
и само кричалось «Дурак! Порву!».

как тарзанка летела и оборачивалась назад,
как врезалась веревка в руку. на дерево лезть нельзя,
но каким надежным казался привычный ствол.
как не пускали в обед за стол,
пока не вымыты руки,
как пена съедала грязь,
как табак выкурил первый раз.

помнит Никита уроки физики, жар костра,
спелое майское небо, запах горячей пыли, стакан молока с утра,
кошку Марту, подвала сырость, помнит, приятель позвал
на пожар смотреть.

помнит,
возникла смерть.

* * *

в городе Клин протекает река сестра:
речь идет ни о городе, ни о реке.
июньской ночью бабочка бьется под потолком,
январской ночью все насекомые видят сны.
город Ставрополь, кроме названия ни о городе ни о реке,
город Санкт-Петербург, впрочем зачем говорить,
города города города, каждый когда-нибудь примет смерть
как мученик, как преступник, как неопознанное лицо.
вот город Саратов, вот Нижний Новгород, вот Иркутск,
а вот цветы заветным войском качаются на лугу,
а вот травы строятся воевать, хотя только кажется –
травы просто стоят,
и города просто стоят,
и собака там во дворе.
там во дворе собака, ранение на боку,
собака просто стоит.
окраина города прячет заспанное лицо,
небо линиями наволочкой обозначает день,
пустырь не помнит последней радости,
не помнит первой беды –
эта система грусти
ни о городе,
ни о реке

* * *

солдатское право готовить к бою
оружие: привычное скудное тело,
язык, обвязанный речью,
перебинтованное порывом ветра
сердце, остаток крика,
даль памяти.

солдатское право выполнять приказы:
выпускать пулю как циркового зверя
на вольный воздух арены.
оставлять ножевые
ранения как зарубки – не потеряться.
трясти руками чужого
как пыльное покрывало,
как дерево, полное яблок.

право записывать в карманную тетрадь:
ничего собственного
ничего собственно
чет и нечет
огонь и меч
нет чего
ничего

* * *

ракета режет небо,
пароход вспарывает море,
материнские руки разделяют рыбу.
мальчика на берегу,
в послеобеденный час,
как обычно –
мучает рвота

* * *

и уходит, и уходит, и говорит:
там земля белая как вываренная кость.
на карте не различить ни края, ни дна – и пусть.
там на последней постели горит
и стынет спина.
и уходит, и говорит:
стану там как черточка на стене,
перечеркнутая другой.
а пока ко мне
земля приближается, выгнутая дугой,
обработанная, как на станке гранит –
от опасности быть хранит.
я почти стою
в собранном там строю,
стану там как предмет –
никаких примет.

НИКИТА ПОДВАЛЬНЫЙ

Марш хатифнаттов

Мы шли метлой терновой
прессованным векам,
когда звезда Чернобыль
не грела ни фи́га,
когда землей безумия
забылся Стиксов плес –
мы шли, ее связуя
в лучи из-под колес.
Струна того не тешит
и пуля не берет,
земля того не держит,
кто выжил поперек,
кто курткой оборачивал
глухое: подорву.
Кто уходил прозрачным
отрядом под траву.
Над Кемью и Кубанью
под плетью похвалы
терпи ее губами,
кури звезду-полюнь,
космическому холоду
ладонью пригорай,
летальному исходу
в обетованный край.

2006

Мой Гамельн

И перебесятся маховики
на масле теплые в своей вендетте.
Когда уздечки будут велики
и Ты решишь, что больше не свидетель,

глаза заделаю балетным тюлем,
всю кожу – стрелками колючих люстр.
Все девять этажей панельных тюрем
сквозь долгостройки к чорту провалюсь!

Все пропадут молекулы и мили,
в сухом остатке пепел из меня.
Пускай убогий шарик катит в мире,
в утробе трахаются дизеля,

на сочных просеках земля бушует,
гудят коричневые жилы вольт.
Кто обо мне потерянном пошутит,
когда не веруя сгнию живой?

И свой кусок, что ненасытно зыркал,
весь зябкий мир – лоскутный – приживал,
тяну с собой за целой сушей зыбкой,
за целым небом, едущим по швам!

2006

* * *

Иди смотреть
за камеру пуховой тишины
за полдень
за плечи обнесенного поселка
за горизонт
как без тебя
всё малое помяло в снег
и головы рогоза взорвались
впитались без тебя
и вытаяли сетью рыболовной
горели без тебя
проткнулась новая осока
поела гарь
и созревала новой головой

и так спокон пока бежит орбита
до той поры пока лучами будит
до морока
покуда
без тебя

2009

АЛЕКСАНДРА БАБУШКИНА

* * *

1.
глубокие воды глубокие
и волны проходят и волны
и там в глубине
                          морские
  животные
странными щупальцами шевелят

кто знал о них кто их видел
на что же они походят
их ловят их ловят сетями
на берег на жаркий берег
меня выносит из моря
  кальмар говорят кальмар
  кальмар говорят съедобен

приятного аппетита

2.
глубокие волны глубокие
не знаешь себя не ведаешь
но движешься чувством-кальмаром
оно в глубине движется
и тянет робкие щупальца
  оно осязает мир
  не знаю осознает ли себя вполне
  кажется
  нет
а может всего сознательней

кальмара выносит на берег
там солнце там жаркое солнце
а может только и нужно
что это жаркое солнце

3.
глубокие волны глубокие

лучи
                          солнечные

кальмар говорят съедобен

тогда
                          проходи
  к столу

и может быть в этом кальмаре
будет кусочек солнца
будет кусочек моря
и будет
                          приятно
  тебе

глубокие волны глубокие
двигаюсь чувством-кальмаром
оно из глубин поднимается
оно немного нелепое
оно тянет робкие щупальца
и мир познает заново

глубокие волны глубокие
кальмара выносит из моря

метафора может метафора
но что же теперь сказать

а может только и нужно
что это жаркое солнце
кальмар говорят полезен
пожалуйста
  улыбнись

4.
глубокие воды глубокие
и волны проходят и волны
и там в глубине
                  морские
                                  животные
странными щупальцами шевелят

глубокие воды глубокие
кальмара выносит из моря
нет нет это вовсе не страшно
ведь это же
                  для тебя

глубокие воды глубокие
и волны проходят и волны
и есть смысл даже в кальмаре
из самых глубинных вод

* * *

1.
какая нежность
в этой тихой осени
октябре
                  смиренном
холодном ветре даже

ветер кружит листья сметает в кучи
можно зарыться спрятаться нельзя спрятаться
да куда же прятаться
от этой осени

2.
какая нежность
в этом тихом солнце
в этом ветре холодном
в этих словах теплых

во всем что меня окружает
такая нежность
куда же прятаться
от этой нежности

3.
какая нежность

и
                  не спрячешься

листья уносит ветер
                                  ветер ветер

вдыхаю холодный ветер
осенний и резкий
                                  вдыхаю вдыхаю
иначе меня разорвет
                                  от этой осени

от этой
                  нежности

куда же спрятаться
да я и не прячусь
в осень
                  вглядываюсь

ветер уже холодный и солнце искрится в листве

и все что вокруг меня
и
все что я сама есть
                  это
                                  нежность
  нежность
это тихая нежность

к тебе

* * *

две рыжих собачки
отрицательно малой величины
гуляют в морозном лесу

им дела нет
какой нынче день недели
какого месяца
какого года
какой теперь курс доллара
и евро
и какое расписание у филологов 3-го курса

они немного мерзнут
и хвостиками дрожат

две рыжих собачки
пренебрежительно малой величины
настроены философски

они прогуливаются по дорожке
в мешочках-тапочках
и лапками смешно соскальзывая
сохраняют гордый вид

а я так не умею

они вздрагивают ушами
чутко прислушиваясь
к моим шагам

но на самом деле
двум маленьким рыжим собачкам
гуляющим в морозном лесу
и до меня
нет никакого дела

и я так тоже не умею

* * *

остальное в принципе можно убрать

остаются сугробы белые-белые
(их изображает волнистая линия карандашом)
еще какие-то штрихи

штрих – это я там
у самого горизонта?
штрих – это ты чуть поближе
но рядом со мной?

садится солнце
садится зрение

и все сложнее различить

линии
линии
линии

провода?
рельсы?
строки?

это наши зимние разговоры

волнистые линии до самого горизонта
сугробы
и
что-то еще?

сугробы
и
кто-то еще?

линии
линии
линии

сугробы
сугробы
сугробы

остальное в принципе можно убрать

ПАВЕЛ АРСЕНЬЕВ

Примечания переводчика

*Связь между этими словами была,
возможно, создана в другое время.
Л. Витгенштейн*

В Королевском Колледже пожар.
Не говори чепухи.
Что является объектом твоего желания?
Я хочу чтобы в эту комнату вошел мистер Смит.
Вы уверены, что это именно то, чего вы хотите?
Конечно, я должен знать, чего я хочу.
Не говори чепухи.
Я хочу чтобы произошло то-то и то-то.

То, во что ты веришь, не является фактом.

Я чувствую страх.
Я боюсь чего-то, но не знаю чего.
Где бы ты ни был, ты должен добраться
откуда бы то ни было
к этому месту, из которого вышел.

Почему ты полагаешь, что твоя зубная боль соотносится с фактом,
что ты держишься за щеку.

...

Безусловно, существуют совершенно определенные действия
представлений того,
что другой ощущает боль.

Меня никогда не учили
соотносить глубину воды под землей
с ощущениями в моей руке,
но когда я чувствую определенное напряжение в ней,
слова «3 фута» сразу возникают
в моем сознании.

Ну, конечно, красное существует,
и вы должны это видеть,
если способны это представить.

Увеличение давления на мои глаза
продуцирует красные образы.

В Королевском Колледже пожар.
Не говори чепухи.

Я хочу чтобы произошло то-то и то-то.

*Каким странным механизмом в таком случае
должно быть наше желание,
если мы можем желать того,
что никогда не исполнится.*

Конечно, это не всё,
но ты можешь построить более
сложные случаи, если хочешь.

Мы же должны
будем говорить ниже
о значении выражения
«забывание значения слова».

Примечание переводчика:
Этого никогда так и не было
Сделано.

Продается Маяковский

Продается б/у Маяковский
на новой торговой площадке Рунета.

Рекламные ссылки.

Добавить.

Послать ссылку другу.

Найдутся все.

Неограниченный трафик.

Чем заняться в свободное время.

Картинки.

Еще.

ТАТЬЯНА БАРБОТИНА

* * *

Гудёт по улице трамвай
Со вкусом спелых свежих ягод.
Он хоть трамвай, но – продавай
Рекламу спелых свежих ягод.

И запакованные, вдаль,
В нем плыли пассажиры.
Реклама требует наживы,
Но ягодок мне жаль

Клубничка глупая цвела
И сладкой кровью наливалась.
Ее нашли, она попалась –
Теперь без отдыха и сна
Ей кочевать маршрутом гадким
И ночью бдить в трамвайном парке.

Черника, синяя звезда,
За елкой жухлой притаилась,
Неумолимая рука
Ее поймала, поглумилась
Пририсовав ей рот беззубый –
Не рот – одни сплошные губы.
Кочуй теперь маршрутом гадким
И ночью бди в трамвайном парке.

Они хотели быть вареньем,
Они хотели быть повидлом
Или отдать себя земле.
Усы трамвайные над ними
Теперь поют пустые гимны
На безымянной высоте.

* * *

Принеси меня, мать, на берег живой воды,
подними высоко – ты всмотришь в меня море.
И отлив, отползая моллюском, упругой ногой,
Заберет ту ненужную часть меня,
За которой зачем-то мне век ходить,
О которой мне знать, но не знать в себе.
Все, что выбрал – вобрал отлив.
И забита немолчной немой пустотой
Эта часть меня, что идет к тебе
и идет к тебе, но идет к тебе.
Этой русской душе – говорит один
Не плевать лишь на «боль, мной велит печаль»
Холит, любит, берет печаль
И приносит, как мать дитя,
К беспокойной воде:
«Посмотри, неужели моя печаль
Не похожа на зелень твоих речей,
Неуже-неужели ее глаза
Не твои?

* * *

Одиноких бабочек искать под лопухами
Капиллярное тревожное крыло
Я игрун, я бабочек бросаю
В неба дно.
Шоколадница с вьетнамскими усами
На крыле несет кофейное зерно
Это облако над нею зависает –
Молоко.
С типовым сверяясь диафильмом,
Пяťся и кружа, за мной бочком
Время ходит, как лепидоптерофил*
С сачком.

* коллекционер бабочек

* * *

Сначала ты говоришь это слово, будто разжимая руку,
показываешь божью коровку: смотри – ползет по пальцу, шевелится,
летит.

В другой раз это слово будет сказано между другими словами,
так между черных пиджаков в шкафу ты видишь странный желтый
костюм,

и тебе его дарят.

Все последующие разы ты говоришь это во время: скачек, еды,
хотьбы, участия, сомнения, молчания, ссоры, желания, насыщения;
отстраненно, качественно, с придыханием; за кофе, в примерочной,
на ночь, на эскалаторе, в кино:

в это время девушка на экране перебирает худыми черно-белыми
руками

новогодние шары.

Потом ты думаешь это слово не относительно к одному,

Но даже

к маленьким взрослым, выпивающим пятую бутылку портвейна
у памятника Грибоедову.

Ты поднимаешь палец и закрываешь глаза, чувствуя себя посадочным
местом

для божьей коровки, отпущенной там, когда, то, было, в первый, да.

ДМИТРИЙ КАПЛИН

Гороскоп

Сегодня вас ждет удача
Сегодня будут проблемы
Сегодня вы можете рисковать
Сегодня следует быть осторожным
Сегодня избегайте вопросов
Сегодня вам стоит бояться
Сегодня вы встретите свою любовь
Сегодня вы будете счастливы
Сегодня вы лишитесь девственности
(суки я никогда не лишусь девственности)
Сегодня закрыто метро
Сегодня дождь
Сегодня не работают банки
Сегодня растут цены
Сегодня не продают водку
Сегодня понедельник
Сегодня пиздец
Сегодня вы умрете
Сегодня конец света
Завтра у вас будет удачный день

Фото

это мои любимые носки
это мои любимые трусы
это мои любимые волосы
это мое любимое одеяло
это мое любимое животное
это человек в которого я влюблен
это нечеловек которого я не люблю
это мое любимое яйцо
это мое второе любимое яйцо
это мой единственный член
это мой нелюбимый глаз

это мой любимый глаз
это мой самый лучший друг
это будущая жена моего лучшего друга
это девушка, которая трахается с моим лучшим другом
НО никогда не станет его женой
это я на фотографии
это не я на фотографии
это лицо того самого человека
в которого влюблен
это фотография лица
это лицо
это не мое лицо
это не твое лицо
это справка из больницы
это за мной
это моя смерть
это я
я буду завтра к полудню
дальше уже без меня

Проверка зрения

Я пойду гулять
Далее еще более мелким шрифтом
Здравствуй мама
Далее еще более мелким шрифтом
Я не вернусь сегодня домой
Далее еще более мелким шрифтом
Я люблю тебя
Далее еще более мелким шрифтом
Я не люблю тебя больше
Далее еще более мелким шрифтом
Здравствуй сын
Далее еще более мелким шрифтом
Здесь похоронен мой отец
Далее еще более мелким шрифтом
Я разучился читать

Было

Очень хотелось водки
Водки не было
Я был
А водки не было
Хотелось курить
Сигарет не было
С утра хотелось пива
Пива не было
У человека, который передавал мне деньги
(за проезд в маршрутке)
Не хватало на руке трех пальцев
Пальцев не было
В древности мужчинам
(которые работали в гареме)
Отрезали яйца

Я счастлив
от того, что никто и никогда
не будет жить в том мире
(которого хочет).

* * *

Все что мне нужно – это несколько слов
потому что я могу говорить

все что мне нужно – это несколько слов
потому что я хочу говорить

все что мне нужно – это несколько слов
потому что мне есть что сказать

все что нужно тебе – это я
мне
несколько слов

I want to be small

I want to be small
То есть маленьким
Чтобы не выходить из дома
позже девятнадцати ноль ноль
И всегда возвращаться
I want to be small
То есть маленьким
Чтобы не приобретать
Спиртосодержащих напитков
и сигарет
I want to be small
То есть маленьким
Чтобы не забывать удивляться
Любым, нечеловечески глупым вещам
I want to be small
То есть маленьким
Чтобы не смотреть в испуганные глаза жены
И радоваться тому, что
Уже сам дотягиваешься до выключателя
I want to be small
То есть маленьким
И знать, что счастья меньше, чем хочется
Но всегда больше
Чем этого действительно нужно.

ЮЛИЯ ПОСЕЛЕННОВА

* * *

Возвращенье похоже на мятый лист,
Падающий из окна вниз,
Кем-то подобранный, расправленный и
Рассмотренный дотошно – а что же внутри?
Этот путь похож на исписанную тетрадь
Или па порванную купюру, за которую взять
Нельзя даже дырявый презерватив.
Невозможно замолкнуть, кричать не прекратив.
Мой голос все тише. Обжегшийся на молоке,
Чем-то похоже на сердце, сжатое в кулаке,
Не формой, скорее объемом, а может быть
Тем, что уже никогда не попросит пить.
Приближенье похоже на книгу. Залитую вином
На том самом месте, где интересно, что будет потом,
Но уже не узнать. Шаги подобны разбитым очкам.
Близорукий не сможет узнать по размытым чертам
Находящегося в отдалении. Вымирающая порода
Рек. А я дважды вошла – значит это болото.

Граница

Вокзал в простыне солнечных пятен
В глазах отражается, словно память
Часов, подоспевших к прибытию поезда,
С сердечным стуком в циферблатных гнездах
Минутных стрелок, с их аритмией.
Подобная стрелке бутылка пива
Отмерила 20 минут ожидания,
И вот за стеклом остается здание.
В сизых перьях, по сути голый,
Как его продолжение в небо, голубь
Восседает со всей своей грацией птичьей
На крыше вокзала. Как пограничник
Кивнул мне, что мир, что сейчас покину
Меня никогда назад не примет.

НИКИТА МИРОНОВ

* * *

съезжались
стихийно

дети не любили только ляжки вареные овощи и оливки
взрослые не любили все остальное

на автобусной стоянке
бабушка как из сказки только что вылезшая из землянки
рекламирует зимний сорт яблок

дети все еще кладут свои зубы под подушку
старики на полку

* * *

имя сигурни уивер похоже на ветер в ивах
а еще его сложно выговорить
а имя фэй данауэй просто красивое имя
его приятно произносить
и слышать как произносят другие

у меня нет имени
измени меня изменив мне

условия здешних гор целиком в инее
темнее, чем за полярным кругом,
снежнее, бледнее лица людей

рыба лежит на блюде лицом вниз,
и она страдает не потому, что у нее нет имени,
а просто потому что некому произнести это имя а кому его
произносить кроме как ей
самой ну не мне же застыла в алюминии
отраженная в зеркальном лезвии ножа, распластанная, освежеванная
в форме лямбды, сциллы или харибды

* * *

везли меня к пруду оттуда к морю
водитель пьян цветы на кошельке
к воде родители везли меня глубокой
и к голубому берегу приставили виском
жетоны лиц разбросаны по набережной
песок в трусы в кармане ноты пачки
родители глубокое пустое
и горизонт как совокупность точек,
по кочкам я в лесу переносил золотое
в горшочек из горшочка между прочим
глотая почки молодой акации
вглядываясь в голодающие холмы
и клубы дыма, вьющиеся над городом
когда в клубе меня поставили в дым
и попросили снять трусы –
посыпался песок,
а в душе было что-то такое густое

ЮЛИЯ ГРЕКОВА

(стекла)

или как штрихуются трапеции
рис. 2

или как из стебля сломленного по инерции –
в
вся.

нужный угол. и остановись
срез

дороги. без. движения. воды
как (?)
чувств без

(...)

ветка надломленная
в самом ц. полая
ей больно

в самом ц. множатся
насекомые
их много

до превращения
в бабочек – в землю
мол ч. века

не прикасайтесь
и плачет и плачет
мол ж. лейте

(контрастный душ)

ну какой же это снег?
снег не скачет твердыми
по коже мячиками

я снимаю верх
нюю вверх льется Зорн джон
зорн горячая –

вниз я принимаю душ
близко плиз К о сердцу
металлического

блеска п леска муз... нуж
нуж ная струится тает пьется
льет тс... лечит

(...)

расти
милое
пусть только страсти
не напрас
но я
в кости вживаюсь
ем есмь азъ
как чу
ю расти чу
ду – мне ни

чьи
кости
ни то человечьи –
не то: вечьи

(...)

начинается с чи
с того ли
стая сыплется вниз
как графитная
крошка

из-под вы
зволи звали
меня
беспробудного сна
нехорошего

начинается но
вая осень и ночь
жизни
полотно
крошится

бесконечные
падают с неба
остро
конечные

ножницы

ДЕНИС ЛАРИОНОВ

Из цикла «Панические идиллии»

2.

От уже-рваного края рваной-же раны не оторвется
равно медленной равно и бедственной
ткани-кому подарить?

Аккумулируя рации в южных ли в невозможных
жжения ожидать или сжечь самому
словно основу CD

Словом сгореть на работе риторике эритроцитом
сам себе остров в контакте
текст теснит текст

Я и курить бросил затем чтобы разорванный ранний
в легких тревожных сегментах
собирает кислород

В первоначальной равно окончательной версии
травмирует ли формирует
в ломких протоках

2009, 2010

* * *

вывалившись из воды
вынырнул в ванну
прошептал прошипел ненавижу
разделяющие и скотч
и вообще не был вброшен

в линейное время клееная ладонь
вправо влево вперед
выданный вон и вид сверху
playing in victim

пластика параллельна послевоенной
тело падая затая
трение левой ладони о белое
персонального опыта
дабы рвать ткань

2009

* * *

«Что делал?» –
«Слушал Клауса Шульце»
Слушал излишне,
Типа все в прошлом.
Все тонет в горле.
Горло болит.

У внутренней речи
В эпизодической роли:
Ура! С переломанной шеей на службе!
Впрочем, не без удовольствия
Было разбито стекло.
«Как? Слоенов?» –
Переспрашивает А.Д. Нет.

Невыносимо
Новой-*насколько?*-волной
Ничто в рамках соол:
Недеяние практиковал
В стокгольмской яме
Проводил по кадыку,
Но больше, кажется, не буду.

На ломких границах
Трудное утро рабо-
Ты себя: разверни
Фантазм влево.

2009–2010

Casus

О чем: всё о том же
что значит *всё*
территория тавтологии
тело в разрезе
шум новой музыки.

Бесконечна дорога из душа
видел их мертвыми
буквы
вырвало теплым бульоном
в сквозном перерыве

аварии – действие первое
островного надреза социальное острие
+ + + + + + + + + + + + + + + + .
действие третье выстрел в упор и
наконец
эпилог

kief катастрофы в пути под рукой я
персонажа равно
труп пассажира в пейзаже на
самом дне

ВАЛЕНТИНА КАНУХИНА

* * *

Она крепко солит томатный сок,
Заедает хлебом в ночной тиши.
И трамвайный поручень бьет в висок,
Если нет билета, а ей – спешить.

А билета нет почти никогда,
И удачным считается день без травм,
И гудят трамвайные провода,
Объясняясь с рельсами по утрам.

Она спит и видит томатный сон,
Начинается новый томатный день.
В проводах сегодня дует муссон,
И трамвайные шапочки набекрень.

У нее на шапке смешной бумбон,
У нее в ладонях кристаллы льда.
Она спит и видит отличный сон,
Она не просыпается никогда.

Она спит о жизни в третьем лице,
Она пьет соленый томатный сок.
В ее пальцах – мед, ее нос в пыльце,
И пчела приземляется на висок.

29.12.09

* * *

Моя судьба – прощаться с городами,
В закатной перспективе непременно.
С надеждами, с тяжелыми трудами,
С предчувствием, нахлынувшим мгновенно,

С картинами, где крыши – мостовые,
Где вверх ногами – все бытописание...
Как мертвыми становятся живые,
Так я согласна вымолчать прощанье

С моей несостоявшейся победой,
С дорогой, очевидно удивившей,
С моей мечтой, по-прежнему заветной,
В вину себе отчаянье вменившей...

Как странно, что, жалея о покое,
Я в третий раз уже меняю имя.
В закате этом всем нам светит кое-
Что, от чего становимся другими.

Из года в год тоскуя по перилам,
По линиям сплошным и теплым клеткам,
Закат мы снова делаем мерилом
Всего, о чем – так мало и так редко.

10.10

* * *

...И если у меня нет повода успеть,
Я буду спать в метро, железная как примус,
И после обещать не расточаться впредь;
Доставка – только МКАД, возможен самовывоз.

Мы не дойдем с тобой до наших рубежей,
Но твой фантом во мне вполне живет и может.
Неужто мне и впредь любить чужих мужей?
Однажды повезет, когда-нибудь поможет?

Усталая до дыр, затертая до слез,
Иду куда глаза, по лету без возврата,
Вдоль черной полосы, куда господь занес –
Прекрасная вдова «потешного» солдата.

А людям невдомек, они идут гуськом,
Невежливо косясь на рыжее на черном.
А я который день живу под маяком
В надежде каждый раз застать его включенным.

Меня утянут в плен чужие города,
Чужие имена, названья и маршруты...
И время на лице – холодная вода:
Что толку от зонта, когда идут минуты?

...И если у тебя нет повода устать,
Я буду ждать беды, настойчиво и долго.
И мир придет ко мне – унять и удержать
Взбесившуюся боль последнего осколка.

АЛЕКСАНДР МАНИЧЕНКО

* * *

*офелия лежит на сонном поле
офелия лежит на темном склоне
офелия лежит на тихом море
офелия не ощущает боли
здесь может быть любое слово кроме*

я девушка красивая из книжки
я девушка красивая и с книжкой
меня вчера жестокие мальчишки
смеяся в нашей речке утопили
красивая и мертвая я пела:

«равнины Зельды покрывают маки
чернее ночи злобные цветы
все люди умерли как бедные собаки
все люди умерли от ядерной зимы
и проросли голодные цветы»

наш город – город братовой любви
все люди в нем цари и короли
война и революция прошли
лишь я плыву в могиле как в реке
и слово доброе держу в своей руке

* * *

понимаешь лето июнь жара
вокруг твоей головы кружится мошкара
вокруг моей головы вертится мошкара
мы давно умерли а начали гнить вчера

как мы лежали до этого как смотрели
как поднимался дух из нашего брэнного тела
как говорили с волшебными травами как хотели
птицами которые пролетали

так между нами прошла осень зима и опять зима
и опять зима легла между нами печаль только ночь нежна
сели мошки на голову обезглавленная упала тень
между нами лес поднимается как бы дым
стены изгороди светятся белый свет
навек сплетенные руки разрывает желтый туман
закрывает нас покрывает нас укрывает нас

Русские любовные песни

* (черный ворон)

Не поворачивайся ко мне,
Черная птица с лицом на спине.
Плачет-поплачет и выплюнет слова треть.
Как тяжело на тебя смотреть!

На хлебном поле – дерево (как судьба – одно),
Я собирала там землянику, чтобы сделать вино
Любимому, который куда ушел
Не знаю, не помню – и хорошо.

Он ко мне еще не вернулся, не пил моего вина,
Не обнимал-целовал меня, я сижу одна,
Как в поле воин, позади Москва, впереди весна.
Не поворачивайся ко мне, черная птица, не смотри на мои глаза.

* (ой цветет калина)

вилась повилка вьется
любовью к тебе проснется
мой сад криком зайдет
погасни мое солнце

вьюнок ноготок нарцисс
мне ад вокруг тебя повернись
ко мне любой своей стороной
сдохни раз ты не со мной

* (виновата ли я)

Мой сад засох – кто в этом виноват?
Конечно, я – его не поливала.
Сердце бедное, сердце горячее,
Как давно я с тобой не певала!

Сорвать больше нечего там и отдать
Тебе, как раньше я отдавала
Все – за ничто и за просто так,
За холод, пинок, кулак.

Нет у меня куста белых роз
Намотай косу мою на кулак
Бей меня об стол головой
Жги меня в вечном огне

* (напила я пьяна)

Ни жест невольный (подлая змея),
Ни долгий взгляд (сироточка-котенок)
Того тебе не выдадут, что я
Хотела от тебя хотя б ребенка.

Хотела быть ребенком педофилу
(То есть тебе), хотела быть игрушкой, куклой, тряпкой,
Однако же какая-то неведомая сила
Во мне танцует, как в припадке.

*Ай-на-нэ, ты доктор философии.
Ай-на-нэ, а я цыганочка лихая.
Ай-на-нэ, закусим и лехаим.
Я – объект твоей педофилии.*

* (мужская версия)

напился пьян до дому не дойду
приди ко мне в моем бреду

я твой вий панночка весь я твой
давай посадим с тобой цветочек давай
вырастим сад под немеркнущим солнышком и луной
дом красивый построим со ставенками с резьбой
надкусим один каравай

напился пьян до дому не дойду
приди ко мне в моем бреду

клен мой кленышек вот и весна пришла
а в моем мозгу алкогольная хозяйничает зима
ворон-воробушек каркать надо мною не надо
отнеси платочек любимой будет тебе награда
смотри не перепутай ее дом с любовницы садом

напился пьян до дому не дойду
приди ко мне в моем бреду

ВАЛЕРИЯ МЕРЗЛЯКОВА

* * *

вниз,
под колкую снежную шерсть:
лестница плющом обвивает башню
падающих звезд,
спускается к подножью
винтом
лепесток рассекает медленные пласты воды,
ложится на дно
дальше, сквозь жесткие комья земли,
где протянуты пальцы репейника,
и белые корни, словно молочные капли текут
все ниже и ниже,
туда,
где спит, свернувшись клубком,
рыжий подземный дракон
прижавши, как уши, крыла
солнцем змеится его чешуя
и он мурлычет во сне
до весны.

* * *(улитка)

улитка ползет домой,
в подводный колокол, заросший травой,
по гулким рельсам – в пустое депо,
обращаясь вспять, глядится в нутро,
где сухой песок и ракушки
на дне,
где ржавая гайка оборачивается
дверным кольцом
тихий омут встает пред глазами,
смутно покачиваясь, словно живой
будто предлагает:
входи

* * *(конь)

зачатый на зыбкой границе
белой ночи и холодного,
зябкого предрассвета,
серый, как ветер,
лодка в тумане.
бредет по бескрайней равнине
призрачной, словно промзона,
восьминогий конь,
спотыкается –
хрустят шарниры, цокают гайки,
копыта.
как шагающий замо́к,
как линкор в дождливое море скучает,
глядя дулами на причал,
он призывно скрипит плечами,
оплетенными ржавою гривой
трясет,
возвращается на Аваллон.

* * *

так двое засыпают на одной кровати,
как ветер, сонно прикасаясь
щекой к щеке,
вытягиваясь рядом,
и пальцы опускают, словно корни в реку,
в память,
в потоке выполаскивают руки, как водоросли
или рукава реки
струятся по долине,
оплетая берег.
...наутро просыпаясь, с волосами
рассыпанными, блики по воде,
прищурясь, долго-долго различают лица,
как спутанное в ящике
белье.

* * *(ветер)

та сторона, где ветер
перебирает пальцами колосья
и вдруг срывается лететь к обрыву,
и рукавами задевает землю,
и травы смотрят вслед.
и в небе
тугие перекатываются гроздьи,
как черника
до шелкового обода лозы.
и горизонт приоткрывает
прохладную изнанку,
в той стороне,
где самый
край земли

ИГОРЬ ТИШИН

* * *

Я жил на заснеженной улице мертвого города,
который помечен на контурной карте России,
сбривал анекдотам густые, курчавые бороды
и первым заметил пропажу.

Пропажу мессии.

А город глядел исподлобья, космическим чудищем,
крепчайшей удавкой сжимал беззащитную шею...

Деревья.

Высотки.

Зима.

В обязательном будущем

(иными словами – в июне) здесь будет страшнее.

* * *

Я был на кладбище у перелеска.

Часовенка. Кресты. Трава, трава.

И мне казалось: жизнь моя, как леска –
длинна, прочна, но может оборва...

Оградка, холмик и отцово фото.

Внезапный вздох, без слов, без языка.

И в нем бесплотное сквозило что-то –
уныние? Отчаянье? Тоска?

Ах, это не тоска! Скорей, грузило,
комок свинца, привязанный к лесе.

Вот тут могила и вон там могила,
а наверху – Господь. И все-все-все.

БЖД

центр тяжести у ребенка в голове

конечности погибших от замерзания
сильно приведены к туловищу
поэтому все окоченевшие полярники
лежат на снегу скрючившись
и спасательные экспедиции
находят их тела во льдах Антарктиды
именно в позе эмбриона

это известно всем

кто посещает

лекции по безопасности жизнедеятельности
или смотрит образовательные телеканалы
бибиси дискавери и иже с ними

если ты будешь

купать нашего ребенка в тазике
следи за ним не отрывая взгляда
иначе он может утонуть

если ты найдешь меня мертвым

в сугробе около нашего кондоминиума
знай

я умер не от замерзания

руки и ноги у меня

как у витрувианского человека

враслопырку

ОЛЬГА СОБГАЙДА

* * *

Снежит. С самого утра.
Кто-то снежит. и по-снежному дышит.

От пояса и до тверди небесной
снег как взмыленный
но все гонится. Разными волнами
в разных частотах, но по всем
воздушным перепутьям
– распутица. В зимних крапинках.
Крутятся. Кружится. Капается.

В танец.

А до тверди земной –
хоть бананы ешь.

Сверху-нанизу – да не копится.

Сверху-на землю – да не лепится.

так чтоб шагом шагнуть

а вышагивать – лыжами

И по отопительным сезонным коврикам

– белыми накаблучниками

пригвожденные. плитки недоеденного

шоколада, примороженного

в стопки домино

Кружится. И нелепицей кажется
что так долго не бывает зимнего.

И хоть долго – а все снежная.

И все теплится – память

_____ танца.

Кто-то белый снежит

с целого утра.

Кто-то снежным дышит

за целые промежутки

* * *

И вдруг из неоткуда –
осенние ландыши.

Так же остро – запах.

Безразличный к прохожим

туман

бредит.

Волочится по оземи

в осеннем пальто

и, упитанный сочным

влаги,

глубоко дышит.

Промокает подошвы

остановочных постаментов.

И, отяжеленный,

вваливается

в опустевшие улицы.

Вкраплен в фонари.

Лепит длинные шири

–

тягучего

молочайного

Он изыскан.

может быть, любит вишню

Смотрит.

Смотрит.

На свои руки.

Большие и пластилиновые.

...Пластилиновый город...

Но, врожденно безмолвные,
разомкнулись. чертятся пальцы

толкнулось

внутри

сердце.

и маленькими подушечками
глобусно-огромных ладоней.
дотрагивается.
Шагну.
– На помост.
На ладонь.
На большой-большой
указательный палец
тумана.
Поднимает.
Рассеченными
кажутся близко
тонкие паутинки
И краешком губ
благословляет.
Среди тысяч треугольных огней
я по росинки
с его волглых туманных ласковых ладоней
благодарно пью запах осени:

* * *

Карабкается по веткам – солнце.
Не рассвет: вверх не торопится.
Устроилось поудобней между
почковыми прутиками и –
наблюдает...

Снежинки – щекатают.
Нежно чмокнув в бровь, у брови,
продолжают дальше – щекотать.

Вздувшиеся почки готических веток
прогибаются, разминаются и – застывают,
вытянув носы к пухлым,
надувшим щеки облакам.

По улицам шагает весна в плаще...

Из венецианского дневника

Стр. 1

*

Колебание сердца
в двух междупальных пределах,
просит снежной воли
и глазам благодарно за белые степи
как птичье молоко,
только просторней /
рассчитавшись на первый,
тихо мчит,
оставляя мыслям
безграничные листы горизонта.

*

Провода удлиняют дорогу
Зримость невидимых линий
чертится
как в тетрадке,
[но] только оттолкнуться
и скользить дальше

*

Когда земля наступает
небу на пятки?
Когда белые глаза,
из-под холмов,
смотрят
дышат на облако

деревья в полосочку

березки... белые страницы
какую в невесты выберешь

Стр. 2

*

Это время.
больших деревянных полов,
синих васильков на коленках пижамы,
большой-большой круглой люстры-шляпы,
маленьких фонарей.

Соломенный стул
вежливо согласился поддержать мою сумку.
И венецианская комната
кажется такой своей. Остров на острове.
готова меня молчаливо слушать
и смотреть.

Квадратная гавань
на корабле.
Мое сердце в затишье.

Стр. 3

*

Вбирая в себя воздух мороза и влаги,
tiketas-анье каблуков – здесь нет песка и земли,
только квадраты, но они – вежливы.
Совсем рядом мои знакомые – апельсиновые
фонари – смотрят на воду.
Узкие проходы рисуют дороги прямо
на горизонте.

Здесь такая сытность улиц,
что я даже забыла про звезды

Стр. 4

*

Венецианская весна
бесконечно нежна и мягка! как ночная вода

и бабочки на моей кофте
снова рады!

Стр. 5

*

Венеция волнуется и вся в
поломанных зонтиках.
Думаю, в такие [не нежные] дни
она еще больше готовится
стать женщиной. Или матерью...

Венецию заливают ветром с дождем.
Она, наверное, волнуется,
как невеста...

ДЕНИС БЕЗНОСОВ

будильник

кудрявый дрозд сидел, качал ногой,
нагой атлет от лета до зимы
забыл ответить на звонок, но гость
не уходил, и после казни мы
бросали вместо музыки в тазы
свои затылки, сахарный песок –
пустая вещь держала в лапе соль,
сосредоточенно крутя язык.

гость снял сапоги

гость лег на кровати

горсть пальцев ноги

гость завернул в скатерть

...на площадке курили собаки
за стеной женщина пела
и видно было как у птицы
вертится шестеренка

6/6 шелковых шестеренок

на пустом постаменте после острые устрицы
строятся с тростью строгие судороги створок
сторон на суде кукареку комара в арле кинул
марлевое горле parlez арлекину vous канву
конвульсий косвенным образом из снобизма
лохматая призма вниз нанизана приземляясь
на зонт механизма хвоста стрекозы стал выст-
рел язык оставляет зачатые только что четвер-
ти чаевые паперти в чем попало палочками
пыль очками горизонт по поло экватора вине
кратера обертки в животе животного квадрат-
ный корень из корпуса борт опуса с поста кус-
та остаток телефона ступает проститутка в оте-

ле в оное время 5 часов 35 минут монет разми-
наете лысые женщины развешаны размешаны
в желудке жаворонка воронка жует жизнь про-
каженные по прежнему грешные решки у шес-
теренок щурятся ширинки гречневые брошки
крещенных крыс огрызков красок покрытые
кожурой занавески записывают вопросы песка
пьеса пускай поскальзывает пиджак по скаль-
пелю поджав ложке падежа deja мякиша шарф
фаршем марш шрамом шар шарфом шофер ши-
пящие ящиков ящериц перешел дорогу потом па-
утиной поток себя без спроса особи собак косо
досок кажется это единственный видимый способ

не слышно о чем говорят

ий ой
плоск леск
до с
на
осла
бив
дос
ку
поку
рив
сепия корrrрсссее
том
там
.....
.....
.....
...
...
...
.....
так слышно?

(суд над бабочками)

за пазухой проказа
зажатая между зубов обезьяны
показывает
мокрый аммиак меняет морг
позу на паузу
яичного желтка
колесом орг-
этим выкорчеванным выключателям язвам
мы обязаны
грязными фонарями приклеенными
к лицам парализованных монет
когда около 6-ти часов вечера из-за театра выкатывается
похоронная процессия птиц внутри клевером
мать маринует сына в вине вне
трамвай вы меня слышите (?)
щипает костлявые бедра акаций
открыт парк для инвалидов на колясках
возможно у тех внутренности вышиты
окурками картонных клякс АХ!
связанный воском воздух заболел
лампы в кафе блюют пулями на пол
зачем смяты тряпки из-за балет
хлопают худые лица
пока у желтой женщины капал
из носа искусно/уксусно смешанный соус
клавиши сати фаршированные мастерски
крылышками гнилых насекомых
улица больше не существует но дети ссорясь
клюют черепицу на крышах парикмахерских
какие-то фигуры голые потом и после
вдоль скользких решеток
сбоку не совсем там ходят в поисках
голубинога помета музыки блох на висках
из дымоходов с молитвами выскакивают
в пропахших потом простынях пьяные апостолы

и что-то
бросают вниз
целясь
из
линз
наверно что-то очень ценное

панический душ

конт канат и контрабас
бац! бас
пост в субботу в среду сразу срез
пан берет коль альт тропики труба
рези в желудке желуди жалюзи рубаш
похоть хоть бухт – бах!
разум с зонтика в слезах слез
снится соба-
ка(кая?) слепая на один гла-
з хромая на один зу-
б она только прилегла
без разрешения внизу
под лестницей в костре устрицей в поясницу
ню
поясню:
поместится мост
между (вертится) креслом (крутится) и – ценю
–
комнатой канта оставил мозг
бронзовые брызги бровей на губы крылышками
шлепает воробей бей вора мне
по щеке контрабас накрыл (ишь как ми-
ло!)ктем на ремне
болтался барахтался палец полная солонка
как раз летела мне промеж душ
кап кит кап кот кап конт как слон кап
и по диагонали гнали между
машина прохудилась пополам на раз

два три прочистите воротники
плотникам плоть на ком пить – пли!
плитки шоколада что в рот ни кинь
все без толку только пан и конура
ныряй
канат струна странно канет танк
контрабас оробел побе(жал)лел муляж
жаль в копоти купался фонтан к
кому конт канат тому
ля-ля
шшш

АННА НОВИЦКАЯ

В такт

Не манить, не ждать, не держать руками,
Не искать в эфирах и трэк-листах,
Не будить с утра, изводя звонками,
Кое-как срифмованными стихами,
Знать, что предстоит еще перестать.

Просто заключить на мгновенье пакт,
Совершить такой добровольный акт –
И друг друга греть по ночам боками,
И кончать вдвоем, задыхаясь в такт,
Разделять одно на на двоих дыханье,
В перерывах вламываться В контакт
И курить, затягиваясь вот так,
Словно жить еще предстоит веками,
Словно жизнерадостными щенками
Мы уже останемся на века.

* * *

Или бояться, зная: себе дороже?
Или смириться с тем, что всегда легко?
Бог тебе расстилает сахарную дорожку,
Поливает ее карамелью и молоком.

Или утешаться догмами богословскими,
Верить, что так искушает бес?
Или быть с этими – всякими маяковскими,
Всякими куртами, свободными от небес?

Или просто делать всегда, что хочется,
Каждый раз выбирая опять не ту?
Я стою, глазами в пролет хохочущий.
Мой окурок
падает в пустоту.

Без меня

Я никогда не поеду в Сирию и Ливан.
Азиатская пыль не пристанет к моим ногам.
Не поклонюсь в Бейруте его богам,
Взгляда не подарю шаттэлевым берегам.

Я никогда не поеду в Индию и Тибет,
Чтобы смотреть в Сатледж, думая о тебе.
Не будет мне ни майлаи, ни чаппати с гхи на обед,
Ни хиндустани, ни амулета от бед.

Я никогда не поеду в Дрезден и Шлиссельбург,
Не накуплю марципана, чтоб не хватало рук.
Я не выпью кофе в Мюнхене поутру,
С горы Цуг ни камушка не заберу.

Я закроюсь в комнате, буду в ней
Не тосковать по тому, что есть Прованс и Бруней:
Не столько, нет, не столько сердца живет во мне,
Чтобы оставлять по кусочку в любой стране.

Я больше никогда не поеду в Прагу.
Я больше никогда не поеду в Омиш.
Я больше никогда не поеду в Прагу.
Я больше никогда не поеду в Омиш.

МАКСИМ МАРКЕВИЧ

Диск вариантов

недавно приобрел компакт-диск
«таинство жизни, происходящее с тобой».
Первым треком там – младенческий писк,
последним – «со святыми упокой».

прикол с этими дисками в том,
что определенности нет ни пса.
Каждому достается своя группа, свой альбом.
Мне достался металл, а могла бы попса.

Мог бы родиться в семье буржуина,
основал бы мальчуковую группу «Корни
висельного дерева русской культуры».
Рядом бы ходили соответствующие норны –
мулатки с ярко выраженной ягодицепсной мускулатурой.

На хулиганском районе мог бы родиться.
Называл бы свою подругу «солнце», «катенок» или «зая».
На русском-матерном щебетал бы, как птица.
Исполнял бы под гитару песню «печальный парень с серыми глазами».

Мог бы скулить, свои потроха собирая
с горячей земли где-нибудь под Грозным.
Вот селезенка, вот первая почка, вторая.
Хотел дотянуться до печени, но уже слишком поздно.

- С Толяном у нас ничего, кроме секса! А любила я только тебя одного!
- Максим Геннадич, получите в наследство этот нефтеперегонный завод!
- Мужайся, боец, но левую ногу придется по самые уши отнять!
- Мардж, я поймал скунса, и он меня опрыскал! Мардж, он брызгается опять!

Небо в начале очередного тусклого дня,
 Помигав, с характерным гулом начинает светиться для
 Того, чтоб ты встал, проморгался, и, мочки ушей теребя
 По совету врачей, включил телевизор и увидел там фильм про себя.

Порнокартина «Скважина абсолютной смерти»,
 Где все герои – с твоим лицом,
 Так же, как ты в экстазе глазами вертят,
 Имеют идентичный с твоим цвет кальсон,

Все, как один, с пятидневной щетиной,
 С высшим образованием, но без жены и работы,
 Говорят басом как женщины так и мужчины,
 И ты выключаешь это дело с нервной икотой.

Снаружи сочтется лимфой оттепели плоть февраля.
 Физиологических ассоциаций не избежать,
 Когда температура поднимается до нуля,
 И когда тебе двадцать пять.

Представь, какая нужна активность,
 Чтобы сделать все, что мы хотели сделать,
 Если двадцать пять лет – середина жизни субъективно,
 Из расчета семьдесят на человекотело.

Решив поспешать, пока еще не стар,
 Ты одеваешь бушлат и спускаешься в город,
 Где чужестранцы сделали тротуар,
 Имитирующий их родные горы.

«Ну», – говоришь ты,
 «И погода» – отвечают менты,
 «Сегодня!» – завершают инородцы.
 «Мать, мать, мать...» – эхо в ответ раздаётся.

«Да, погода сегодня хороша!
 Самое время» – говорят твои кореша
 «Погулять!!!» – раздаётся грохочущий глас.
 И это совокупный хор народных масс.

День из жизни человеческого субъекта,
 День, заключавший в себе всю вселенную,
 Пройдет в бесцельном шатании по проспектам,
 И завершится, когда мы войдем в пельменную.

Вышло похоже на колбасу, которую мы едим.
 Мясной дух остается только в носу.
 На языке же – крахмал и желатин.
 День, похожий на то, что похоже на колбасу.

Представь себе человека, желающего поймать
 Китайских драконов, резвящихся на воле.
 Или другого, что сидит себе спокойно, и вдруг руками – хватить! –
 За воздух, воображая, что ловит радиоволны.

Не уподобляйся мужам сим, прояви стойкость.
 Не цепляйся за прошлое, и настоящего не жалея.
 Не хватай себя за бока, гадая, какая кость
 Сохранится дольше других в земле.

Время, утекающее сквозь дыры в половицах,
 Время, дразнящее скользким хвостом,
 За который невозможно уцепиться.
 Подозреваю, что все это – лишь фантом.

Настоящий момент есть момент этих строчек.
 Прошедший момент улетел, и уже неизвестно где.
 И я не различаю, что длиннее, что короче, –
 Двадцать пять лет или один день.

Осень в качалке

Стальная осень ходит по России,
Скрипя своим заржавленным протезом,
И о чумном средневековье грезит.

Под грохот музыки простой и агрессивной,
Ворочая холодное железо,
Готовы мы царицу-осень встретить.

Рукой, способной сокрушить гранит,
Атлет берет тяжелые гантели,
И начинает грозную игру.

Гантель в пространстве словно бабочка парит,
И гнется перекачанное тело.
Затем он проработает икру.

Давно ль стада июльских насекомых
Влетали в это мутное окно
И вылетали, оглушенные металлом?

Теперь инсекты те впадают в кому,
И в восемь вечера уже темно,
И величавый ход времен пошел сначала.

Царица-осень! Я люблю ее
Стеклянный ветер в костяных ветвях
И эту анемичную повадку.

Когда из праха осень восстает,
Мы только к праху прилагаем прах,
Выращивая сталь под кожей гладкой.

АНАСТАСИЯ СИДОРОВА

Пожалейте кто-нибудь море

Бессонно ворочаясь тысячи лет на жесткой своей кровати
и глядя глазами, слезящими зависть, наверх, в бесконечность небес,
море волнуется. Море волнуется в жадной надежде, что так же
любовно охватит
однажды земную поверхность – холодное, синее, без
дна.

А небо такое жестокое, все мало ему пространства,
тайком норовит отразиться в зеркальной громаде прилива.
И море печально вздыхает, ночами ему так странно
на темной груди у себя находить, как шрамы, лунные линии.

И там, где разрезанный ножиком, сочится полоской узкой,
как пропасть, неодолимый, пронзительный горизонт, –
жестокая схватка: там море силится перевесить и напрягает мускулы,
а небо возводит настойчиво свой облачный гарнизон.

А я захотела плакать, однажды увидев море.
Приправлю своими слезами, чтоб стала вода солоней,
его принимая сторону в этом великом споре
меж кораблей с самолетами, меж чаек и окуней.

* * *

Осеню она слушает фуги Иоганна Себастьяна Баха.
Для нее в этих минорных звуках
есть нечто трагическое, необратимое,
какая-то жгучая тайна,
предчувствие, что все вот-вот кончится, рассыплется едким прахом,
как будто бы музыка – это написанная на линиях нотного стана
Апокалипсиса картина.
Закрывая рукою глаза,
она слышит в ариях и сюитах неопровержимые доказательства:
Любовь и Ненависть – это вечно враждующие государства
или два города-побратима,

синхронно разгромленные бомбежками, что показательно.
Это разновидность чумы и холеры, от которых не ищут лекарства.
Это два улыбающихся серафима, два скалящих зубы дьявола.
Это яблоня, от которой не далеко укатилось яблоко.
Это нежные братья – Авель и Каин.
Это свод нерушимых клятв и совершенно никчемных правил.
Это радостное сегодня и полное муки завтра.
Это горстка таблеток от боли в виске на завтрак.
Это змея, кусающая себя за хвост.
Это все теперь – старые чувства, оставленные кому-то на вырост.
Это сломанные часы и на счетчиках всех – по нулю.

...Она ставит «Хоральную прелюдию фа минор» на начало и
шепчет себе под нос:
«Я больше тебя не люблю».

ОЛЬГА МЕТАЛЬНИКОВА

* * *

Да, я видел твоих собак на фото. Привет.
У меня мало времени, мало слов. Я посылаю тебе в ответ
Фото, где мы лежим на холме у липы.
Помнишь? Тело обволакивала вязкая пелена.
Я говорил, а у тебя губы подрагивали, будто это твои слова.

У меня теперь есть авто. Настоящий мужской авто.
Я все больше пишу стихи, и, кажется, стал готов
Привыкать к одиночеству и очкам.
Как ты там?
Мне все меньше нравится этот город, эта страна.
В ней я вечно маленький мальчик, мама опять больна,
На работе бессмысленный, длинный круговорот,
Мой коллега и сменщик неделю пьет.

Иногда мне кажется, что в минуту проходят две.
Когда я вспоминаю, ищу тебя в голове,
Наше кресло, веранду, окошко, пол...
Я тебя любил. Был тобою полон и на зиму утеплен.
Знаю, ты тоже думаешь и грустишь
И такая в теле засела тишь,
Что ни криками, ни оркестром не разбудить.
Двадцать лет отучаюсь с тобой говорить.

Мне всегда хотелось купить трактор,
Покорить водопад или Эверест.
Но зачем мне весь этот неясный мир,
Если мир мой ты – дорогой Эрнест.
Ты – на сердце пожизненная печать.
И прошу, не нужно мне отвечать.

* * *

Нет. Ты знаешь, это была не я.
Какая-то видно другая с волосами и бедрами, смуглой кожей.
Она тебя провожала, потом ждала. Молилась за тебя: «Боже,
дай ему сил. Света. Добра. Тепла... всего, что у тебя там обычно

просят...»

Позже, красивая, добрая и не я, спрятавшись вязаной шапкой и с той же
манерной улыбкой, что ранит любого мгновеннее, жестче копья,
она оставалась одна. Такая Одна. И такая не я.

Говорю тебе, это совсем не я.

Просто смотреть раз в полгода в ворот твоей рубашки,
Слышать, как дом достроен для жизни с истошно-кричащей пташкой.

Выдумывать повод и набирать твои номера,
зная, что не ответишь.

Я бы так не смогла.

Да я лучше бы умерла.

Это совсем не я.

Не я.

АЛЕКСЕЙ АФОНИН

* * *

Что-то японское в облаке ветра –
то ли нос соколиный,
то ли рукава с крюками, с прорехами;

лошадиные неба глаза –
диагональ провода –
медленные поезда: зеркальные вехи

по дну залива, по арке мыса.
Собирается гроза, взмахивает смычком;

около виска щекоchetся кобылкой
вечер, теплый и сонный, как паводок

воздуха. Набегает толчком

смысл: вдаль,
где горизонт и мысль сливается

сизый – космический корабль,
весь, как в крупной росе, обсыпанный,

в звездах.

* * *

На паркете
шевелится ветер.

– в светлом пятне –
выдоха разбавленное желе:

входят и ходят тени от листьев как сонные дети.
и улыбаются

на стене.

* * *

Где – линия
высоковольтных передач,

и расцветает белый клевер.

Безвременье лежит, раскинув пальцы,
как дева белая в траве из молока.

И виновато смотрит.

И тело, свиваясь в травы и заросли люпина, будет гребнем,
щебенкой возле дачи, катушкой кабеля,

хвоинками на шпалах, проводами –

ничем живым, безвременным, бессмертным:

Вокруг холмы, одни холмы, холмы.

* * *

...так бесы внезапно стремились к нулю
перышками зеленого лука.

Так я закат тороплю к виску,
а он – ни звука.

Так объемлет белыми лапами львов
канал Грибоедов лицо воды;
и так – если все ничего, – легко
не плясать беды –

оказалось. А если ночь вдруг горька,
положить под язык пятилепестковый билетик
сирени... Так ливень забытый наполняет подставленный лету

как ладони, стакан.

* * *

...глазницы светло-белых окон, огоньки.
Как вдруг, внезапно, вынырнув из тьмы,

как – огонек от спички,
прикрытый сразу же,
ладонью торопливо, –

прорезал низенькие дни,

как горизонты – бритва.

* * *

и я просто не могу, представляешь, не можешь остановиться:
это все так стеклянно и драгоценно
как – дождь – бьется, объемлющий крыльями лица
между лужайками и островками люцерны

а бывает – резко, как выход
коротко, остановившийся вдох
где, прекращая вид
люди – постепенно темнеют, затягиваются слюдой

а еще – ладоней лотосы, и алые берега
сердца внутри, и перевернутая лодка
потому что не дойти до противоположного берега

и приманчиво жужжит фольга

...ты ли это – в зеркала дождя
смотришь, бреди, как в отражение уходящее зарево
среди пожаров как акварель отдаленных

и остановиться нельзя

ОЛЬГА ЯКОВЛЕВА

* * *

это что за твердый запах
или в ухе бьется рыба
ты пусти ее поплавать
в организме есть вода

и еще в нем есть идея
но она под правым глазом
и не хочет выбираться
кто пустил ее туда

здравствуй серый эскалатор
покатай меня повыше
мне внизу кормиться нечем
только кеды и диплом

наверху же бродит вафля
и вязанка апельсинов
так что в целом все в порядке
день хорош и я неплох

о моя больная шея
если б я был баобабом
то бы шея не болела
я хочу сказать о чем

если ты с ума не сходишь
значит просто рано очень
мы потерпим три минуты
и начнем начнем начнем

Камень

1.
люди вокруг тебя расходятся водяными кругами
наверное, ты – камень
брошенный
и несколько раз забавно подпрыгнувший
прежде чем надолго прижаться ко дну

может быть, новые волны
выплюнут, вытолкнут снова тебя на берег
легкого, с гладкой, блестящей спиной

только пойми, что все это – не одиночество
это дорога, ведущая к встрече со мной

2.
долгие воды сточат твои углы
рыбы будут касаться холодными плавниками
и отпечатками их чешуи
ты – камень –
будешь рассказывать новые сказки
смеющимся рыбакам и детям большой земли
потому что ты это можешь
они – никогда не могли
они родились другими – мягкими
от пушистых бровей до боков
поэтому ветры будут бродить и цепями позвякивать
будут качаться тяжелые корабельные сосны
и красные ветряные носы рыбаков

3.
маятник, который тебя раскачивает
от воды и до суши
от суши и до воды
и обратно
это тоже – не одиночество
это – правда

сколько нужно тебе проглотить песка
не спрашивай – это решит река
сколько нужно впитать и выплюнуть соли -
это решает море

в этой истории после слова «наверное»
все внезапно становится очень просто
ты – камень
поэтому не задавай вопросов

обо всем, что пришлось придумать
о рыбах, цепях и соснах
о сонной твоей улыбке
морях и лужах
ветрах и танцах

ты – камень
а я вот еще не решила, кем обратиться нужно
чтобы тебе пригодиться
с тобой остаться

* * *

с тобой мне не обязательно напиваться
чтобы почувствовать себя плохо –
поутру головокружение слабость
тяжелая голова
любое нежное слово одними губами
грохот грохот еще раз грохот
я отхожу едва

и клянусь себе что больше уже никогда не буду
особенно когда выворачивает наизнанку
и ощущения тошноты и чуда
становятся одинаковыми

почему минздрав не предупреждает

любовь вызывает зависимость
любовь – причина заболеваний сердца

любовь вредит вашему здоровью
любовь вредит вашему здоровью

ЛЮБОВЬ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

употребляйте любовь ответственно

* * *

трудно биться вне груди

рыбу вылавливают из реки
и кладут на землю
и не превращаются в ноги
ее плавники

отвернулся однажды
и все потерял что было
прошлое держит руку на пульсе
блеклого настоящего
и отпускает

потому что уже не надо

в одном кулаке помещается голос ада
в другом кулаке половина душистого мандарина

белые львы выгибают спины
их ведет в закатную пропасть огромный огненный бык
нежные пальцы гуляют под подбородком

как хорошо
что я все забыл

* * *

Я не замечаю, как ты стареешь, но вижу, что ты стареешь – годы бегут домами, людьми, стаканами – их не назвать больнее или нежней. Страшно представить, что каждый раз, умоляя время идти скорее, я отнимаю тебя у жизни и не возвращаю ей. Я собираю тебя по буквам, пальцам и по ресницам, чувствуя, как покалывает внутри, с тобой прощания не прощая, только сердце твое мудрее – если бьется, то не боится, ты меня бережешь и поэтому возвращаешься. Если дышишь – то с каждым вдохом грудь становится только ближе, если видишь – идешь навстречу, я не в силах просить о большем. Я люблю тебя бесконечно, ты об этом еще услышишь. А еще я не вечна – тоже.

* * *

Кончается день, посуду никто не бьет, маленький бог сидит за столом напротив и чай из бутылки пьет; чисто на кухне, раковина пуста, если не веришь нам – досчитай до ста.

Мы умывались чертовым молоком, сглатывая приятно и нелегко; цокая то копытами, то кроссовками, всем придорожным ямам напиться одной слезой.

Всё понимали, складывали, несли – бог улыбался разбитым ртом, считая в руках нули; мы обнимались в мокрой густой траве, он говорил – когда уходит любовь, остается свет.

Теперь посмотри, какая крыша над головой – раковина пустая так что, милая, бог с тобой; кончается день и деньги – зато остается дым, а нечего станет есть – так сердце мое съедим.

Что если солнце закатывается, как рукава – что-то лепить такое, в чем ты будешь права; ты не забудь запомнить и рассказать, а пока пускай это солнце закатывается, как глаза.

Мы с тобой в одном – и добро, и зло, а пока засыпай – я тебя поцелую в прохладный лоб; что до истины – то она похожа на молоко, приятна и непроста, если не веришь нам – досчитай до ста.

АНАСТАСИЯ ТРИФОНОВА

* * *

плоскодонка прикована цепью к причалу
смотрится в мелководье
видит себя пароходом в начальной стадии
остро нуждается в веслах

причал наполовину вылез из берега
моет передние ноги
доски лет десять назад назывались елью
водоем окружили хвойные

на озерном дне хвостатый сосновый корень
смотрит из илистой массы
в желтый камушек, бывший древесным соком
тычется носом карась

* * *

Каждый вечер мышь приходит на кухню,
к любимой гречке, что в глубине буфета.
С головой залезает в сгрызенный угол
целлофанового пакета.

С головой залезает в буфет хозяйка,
перебирая крупы субботним утром,
из дырявого в целый пересыпает
и завязывает на узел.

Мышеловка ответственно держит сыр,
запасу хозяйских пакетов конца не видно,
в задней стенке буфета чернеет дырка
гостеприимно.

Стихи под цифрами

А.Б.

1.

от корней до кроны муравью добираться полдня
разговор двоих ведется на языке двоих
муравей ползет вверх. солнце ползет на запад
от безрассудства двоих охраняет сад
нить разговора становится больше, чем нитью

с запада тянет дымом. солнце зарылось в лес
не разобрать, где верховой, где низовой
муравью не успеть назад. остается заночевать на листе
сад то ли в тумане, то ли в дыму седеет
двое спасают друг друга от одиночества

сеть разговора плотнее стягивает двоих
где вечером были двое, к утру остается одно
от кроны к корням муравья опускает лист
яблоки падают, пахнут огнем и корицей
с восходом муравейник и сад открывают ворота

2.

валидол – констатация слабости.
из пластилина можно слепить что угодно.
я себе не врач, даже не пожарный,
то занимаюсь внутренним вышиванием,
то пришиваю внутренние погоны.
каждый по-своему беспомощен.
разговор начинается с дальнего запада,
где особенно ценится ручная работа.
из пластилина можно слепить телефон,
если не получается самокат.
остается семь раз отмерить, один – сказать,
потому что жизнь рельефнее поля.
я себе не врач, даже не санитар.
успокоительные не успокаивают,
когда человек человеком болен

ЕКАТЕРИНА МАЛОВА

* * *

от ощущения пустоты, которое бывает только
в набитом до отказа помещении
появляется гулкая звенящая в ушах тишина

и не чувствую больше
и не чувствую меньше
и не чувствую вовсе
причастности

под еле различимый звук
под общий гул
ко мне возвращаются
все мои бывшие любви
всей жизни
всех жизней

обступают меня
ближе
и ближе
так сладко, так нежно
ближе
и ближе
так щемит сердце
ближе
и ближе
что начинает давить

и в пустой комнате
я падаю замертво
не выдержав
этой нежности

* * *

это не моя станция
моя станция
широкая и людная
на ней
почти круглые сутки
кипит жизнь
с платформы на платформу
перебегают
бодрые контролеры
их обгоняют
продавцы ненужных книг
и мягких игрушек
у билетной кассы
дымят дешевыми сигаретами
таксисты

это не моя улица
на моей улице
никто никогда
не убирает снег
и с каждой оттепелью
моя улица
уплывает все дальше
и с каждым годом
все труднее попасть
домой

это не моя весна
хотя причем здесь весна?
можно же просто выйти
на этой чужой безлюдной станции
побродить по округе
собирая полевые цветы
или пустые пивные бутылки
(как повезет)
а потом вернуться на платформу
и ждать мою электричку

хотя возможно
она даже не ходит
по моему направлению

* * *

ощущение
тлеющей сигареты
ниточки дыма
на кончиках пальцев
темнота дает чувство
стабильности
свободы
надежду на завтра
и прочие прекрасные
в своей абстрактности слова
не пропусти свою остановку
мой руки перед едой
здоровый дух
задыхается
в здоровом теле.
стать бесстрашной
на самом-то деле страшно
до безумия.

* * *

я не знаю
что такое любовь
знаю только одно маленькое чувство
где-то в районе желудка
я называю его
голодом
жаждой
или скукой
кормлю его никотином и шоколадом
с ним вместе пью на кухне чай до поздней ночи
или гуляю по большим холодным улицам
обычно с заунывной музыкой в наушниках

а маленькое чувство кашляет от дыма
и ненавидит сладкое
ночью ему холодно без куртки
и музыка моя ему совсем не нравится

оно обижается
и уходит
однажды возвращается в надежде
что я изменилась

а всё по-старому

АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА

* * *

Ходила на выборы. Кроме моей
на листе заполнена только одна строка.
Значит, из нашего дома
больше никто не пришел.
Мне сказали, что я патриот.
Но я экспат.

Голосование – это печально.
Одинокие школьные коридоры,
женщины в меховых жилетках,
теплые места на холодных стульях,
явка не превышает тридцати процентов
по данным на шесть часов вечера.
Осень, выходишь – уже темно.

Раньше я любила ходить на выборы.
После них можно было купить венгерскую ватрушку.
А еще там киоск с разными мелочами, однажды
мне достался набитый жонглерский мяч.
Разноцветный, такой просто так не достать.

В этот раз киоск был закрыт.
Наверное, слишком поздно.
Выходишь – уже осень.
Мама хотела купить мне ватрушку,
но я отказалась.
Не те времена.
Люди отдали птицам свои голоса.
Ни одна партия никуда не прошла.

* * *

Остановка через улицу, перед магазином.
Минус двадцать, ночь, норвежская зима.
Добрый дед мороз в оранжевой жилетке варит кофе
тем, кто остается ждать автобус до утра.
Ждет, что наконец гольф-стрёмный ветер
сдует снег и лед.
Дед мороз в оранжевой жилетке носит кофе.
Долго ждет.
– Видел я лосей на перекрестках,
и видал я груды пьяных тел,
вот как перестану быть подростком,
так покину северный предел...
– Ладно, дорогая, успокойся,
едем на такси.
Ветер завывает, ветер носит
парус по Руси.

* * *

когда поженимся пойдём на танцы
выучим самбу румбу чачача танго
по выходным не будем напиваться
если только чуть-чуть детей отдадим в садик
читатели светских хроник будут нами любоваться
наша страна будет нами гордиться
вот только какая пора бы определиться

* * *

Соседка вышла замуж и уехала в Улан-Удэ.
Кто-то насвистывает ламбаду на улице уже довольно давно.
Просыпаешься утром, кажется – вечер, думаешь – ага,
Четыре лани скачут через поле наискосок.
Лани прислушиваются, наостряют уши и ну назад.
Соседка родила и снова вернулась домой.
Кассирша в супермаркете спрашивает *хотите пакет?* на всех языках.
Все как в ламбаде, все как в жизни, все как в кино.

* * *

Холодная и ломкая трава,
сухая и прозрачная вода,
край города протягивает руки
и шевелит воздушные потоки.
сухие и прозрачные слова,
холодная и ломкая трава.
ночной автобус едет через поле.
ночной автобус едет по земле.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОКОЛЕНИЯ 1990–2000-Х ГГ. *материалы круглого стола*

1. *Что такое поколение в поэзии? Где и как проводить границу между поколениями?*

2. *Какие поколения Вы считаете целесообразным выделять в русской поэзии последних нескольких десятилетий?*

3. *Можно ли сейчас говорить о «поколении 20-летних» как о новом, самостоятельном поколении? Если да, каковы его отличительные черты?*

Евгения Вежлян (Москва), литературный критик, филолог:

Думаю, поколение 20-летних еще не проявило себя в полной мере – в той, которая нужна, чтобы стороннему глазу оно стало видно как общность со своей судьбой, со своей мировоззренческой «конфигурацией». Оно не кристалл еще – но уже наметились те «ребра жесткости», по которым пойдет кристаллизация.

И здесь просматриваются несколько основных векторов. Скажу о двух. Первый – это особенная поэтика, которую я, в рабочем порядке, назвала бы «поэтикой дискретности». Стихотворение в этом случае представляет собой серию образов, идущих один за другим – как в клипе. Они, разумеется, не образуют логической последовательности – ничто здесь ни из чего не вытекает, причинность не свойственна миру сменяющихся друг друга трансформаций. Язык в этой поэтике подчиняется прежде всего зрению. Это почти визионерство.

Если мои ровесники в попытке прорваться к «самим вещам» прежде всего «очищают» поэзию от «пафоса» и «поэтизмов» вторгаясь на «ничейную» (как сказано в одном старом манифесте Д. Кузьмина) территорию прямого, раскавыченного высказывания, то идущее за нами поколение скорее отталкивается от этой стратегии, нежели развивает ее (по крайней мере, в таком отталкивании я вижу новое, привносимое в поэзию двадцатилетними).

Не «быт» и не «разговорная речь», но причудливо-сложный поток ассоциаций, не «сюжет», но сериальная дробность лежат в основе этой части молодой поэзии. Потому манифестированное недавно Анастасией Афанасьевой возвращение к метафизике, к условному «Хайдеггеру» – то есть по сути к модернистскому мифу о поэзии как сакральном «зеркале бытия» – кажется мне продуктивным. В русле этой неомодернистской серьезности работают, например, Василий Бородин или питерский поэт Алексей Афонин. Такая позиция приводит к перестройке лирического высказывания – на глубинном уровне. Это

выражается в том, что, во-первых, молодые поэты-неомодернисты (думаю, такое определение к ним вполне применимо) возвращаются к речевой модели поэзии-выговаривания, высокой «диктовки», почти глоссалалии (здесь, кроме упомянутого Василия Бородина, можно назвать еще Дмитрия Машарыгина), к тому же еще и особым образом произносимой. А во-вторых – заново выстраиваемая позиция субъекта лирического высказывания приводит к тому, что я назвала бы (пусть не очень удачно) «новым лиризмом». В основе той части молодой лирики, о которой я сейчас говорю, лежит принципиально другое соотношение биографической и поэтической личности, не приводящее к появлению лирического героя. Человек в этой модели – субстанция мерцающая, проявляющаяся дискретно – уже не «заложник речи», но сама речь, «не-личность», или – как в случае Насти Денисовой или Кати Соколовой – внутренняя личность во всей ее спутанности и неоднозначной сложности, которую поэзия пытается «сфотографировать», «ухватить» – в обход канона поэтического «моделирования» человека.

Другой вектор из тех, что сейчас можно выявить отчетливо – это «новая популярная поэзия» (Кудряшова, Полозкова), которая представляет собой, на мой взгляд, «доступную», «читательскую» версию стратегий, бывших инновативными для поэзии 2000-х (а вовсе не «новый большой стиль», как думают некоторые). Эта часть поколения предлагает поэзии не новые возможности, но, скорее, новые способы бытования, что, в общем, тоже немало.

Людмила Вязмитинова (Москва), литературный критик:

1. Понятие «поколение» путается с понятием «направление». Думается, «поколение» отсылает к ярко выраженной черте времени, определившей условия формирования и судьбу авторов, при этом в общность рожденных в некий пусть размыто, но вычленяемый период времени может попасть старший (реже младший) по годам рождения собрат, по каким-либо причинам вошедший в эту общность. Это подтверждается тем, что у нас в XX веке устоялись такие термины: поколения – «военное», «шестидесятников», «90-х». При этом люди склонны дробить свое время, но при взгляде в прошлое отрезки укрупняются. Устоялся, например, термин «Серебряный век», отсылающий к общности, в которой перемешаны тогдашние «поколения» и «направления» (так, «младшие символисты» Блок и Андрей Белый родились в 1880 г., а делящий с ними это звание Вячеслав Иванов – в 1866; кубофутурист Давид Бурлюк – в 1882, а относимый обычно к «старшим символистам» Анненский – в 1856, дебютировал же как поэт он в 1904 г., тогда как Блок дебютировал в 1902 г.).

2. Относительно периода советской власти приходится говорить не столько о поколениях, сколько о кругах общения, определяющих доступ к информации, которая определяет условия формирования автора. «Поколения» определялись изменениями в системе запретов и наказаний. Недаром возник термин «шестидесятники». Как о поколении по-настоящему можно говорить об авторах, которые сформировались в принципиально иных условиях, связанных с гласностью и перестройкой, приведших к информационному буму. Характерно, что при этом не слишком думали о делении на «направления». В принципе, можно говорить о предшествующем ему поколении, когда уже повеяло некоторой свободой, и о последующем, представители которого не представляют, как оно было – до 90-х.

3. «Поколение 20-летних» существует всегда, объединенное наличием будущего, в котором может оказаться все что угодно. Прослушав 29 октября ряд нынешних авторов этого поколения, в качестве общей черты могу отметить специфику проявления таких примет времени, как техногенность, постхристианство, гендерность и – особенно – использование ненормативной лексики.

Анна Голубкова (Москва), литературный критик, прозаик:

1. Мне кажется, что использование термина «поколение» в настоящее время удобно в первую очередь с точки зрения классификации. Если раньше существовала прямая взаимосвязь эстетической теории и литературной практики, то в условиях мировоззренческого хаоса, особенно характерного для русской культуры конца XX – начала XXI в., классификация неизбежно оказывается основанной на каких-то внешних признаках. Чуть раньше это были поэтические группы, сейчас – поколения. Временная граница между поколениями, как совершенно верно говорилось на круглом столе, насчитывает 10–12 лет, причем также имеет смысл ввести внутреннее деление одного поколения где-то по 5–6 лет. Что же касается реальных попыток обнаружить идейную и стилистическую общность у авторов одного поколения, то тут сразу возникают большие сложности. Чем интереснее и талантливее поэты, тем больше они отличаются друг от друга и тем меньше совпадают с какими-то заранее подготовленными теориями. Например, попытка выстроить конструктивную стратегию альманаха «Абзац» именно на факторе поколенческого единства, увы, оказалась безуспешной. При всей близости мировоззрения и исходного опыта конкретное развитие поэтики у авторов было невероятно разнообразным и принципиально непредсказуемым.

2. Соответственным образом считать «поколения» следует, видимо, с того момента, когда фактически исчезают литературные группы и объединения, т. е. с начала 1990-х гг. Тем более, несколько позже благодаря Интернету возможность общаться получили поэты, живущие в самых разных частях света, что еще более затруднило выделение тех или иных литературных групп и направлений.

3. Рассматривать «поколение 20-летних» как новое самостоятельное поколение, безусловно, можно и даже нужно. Начать с того, что это первое поколение, выросшее после падения советской власти, отрочество и юность этого поколения приходятся на «благополучные» 2000-е, то есть в любом случае мы здесь наблюдаем некоторую ситуативную и мировоззренческую общность. Насколько эта общность отразится в поэзии – покажет будущее.

Данила Давыдов (Москва), литературный критик, поэт:

1–2. Мне неоднократно – в том числе в рамках данного фестиваля – приходилось отвечать на этот вопрос. Не хотелось бы повторяться. Границы поколения определены могут быть разными способами, но мне представляется наиболее вменяемым взгляд на людей, внове приходящих в мир культуры, которые одновременно сталкиваются с социокультурным разрывом – который они должны своим художественным высказыванием сшить, залатать. Все остальное многократно описано и сказано.

3. Интуитивно – да. Есть поворот от так называемой «новой искренности» к абсолютной серьезности, к четкости лирического «я», к тому, что не хочется называть пафосом, но при этом данное свойство близко пафосу... К новой мифологизации, наконец. Но не уверен, что тут был тот разрыв, о котором я говорил выше. А без него самоопределения не будет.

Олег Дарк (Москва), литературный критик, прозаик:

1. В 90-е я считал двухлетиями (плюс-минус один-два года, в которые происходит своеобразное рассеивание: кто-то относится к этой генерации, кто-то к следующей; или наоборот, по другую сторону, к предшествующей) и отличал генерации, или иначе – близкородственных, как я их называл, от мутного понятия «поколения». У меня было об этом и специальное эссе, и я использовал это представление, бывшее для меня инструментом анализа, в других статьях и очерках, например в пространном описании генерации 72–73 гг. (уже тема второго вопроса). Я всерьез полагал, что если нафантазировать такой научный институт,

в который входили бы астрономы, социологи, философы и филологи, политологи и историки (ряд можно продолжать), то можно было бы с большей или меньшей точностью определять факторы, повлиявшие на тех или иных близкородственных: начиная с космических явлений и кончая телепередачами и газетными статьями, то есть, значит, событиями, которым они посвящены, – все это и составляло контекст, в котором проходила беременность матери и первый год жизни ребенка. Больше я этой проблемой не занимаюсь, но стихийно, без специальных акцентов и формул эта точка зрения продолжает проявляться в моих статьях и очерках.

2. Назову те (генерации – уточню), которые сами собой для меня выделялись, с которыми имел в той или иной мере дело (не выдумывая специально). Генерацию 48–49 гг. (это генерация Седаковой и Елены Шварц, чтобы стало понятнее; называя другие, следующие, имен приводить не стану). Затем – очень сильная генерация 68–69-го, уже упоминавшаяся 72–73-го (напомню: плюс-минус один-два года рассеивания), 80–81-го... Какие-то я, конечно, пропустил, потому что не знаю их характеристик (не сталкивался с ними, не задумывался), после 81-го года никаких генераций я не вижу. Не потому, что их нет, а я их не различаю. И это уже ответ на третий вопрос.

3. Я думаю, что генерация (близкородственные) всегда выделяется «задним числом». То есть можно, конечно, сделать усилие и выделить генерацию в крайне ранний период ее существования, но это, на мой взгляд, в большой мере будет просто фантазия: что-то угадается, что-то, напротив, припишется лишнее или противоположное. Думаю, нужно время: как и в смысле временного расстояния (для наблюдателя), так и для того, чтобы черты генерации, которые, конечно, возникают (зарождаются) сразу, буквально при рождении (отдельных людей), имели бы возможность и проявиться, и дооформиться (оформление черт, конечно, продолжается и после появления той или иной генерации как физического явления).

Дмитрий Кузьмин (Москва), литературтрегер, поэт, переводчик:

1. Я за последние 20 лет уже так много говорил и писал об этом, что теперь при необходимости вновь высказаться по поколенческому вопросу чувствую известную неловкость. Поэтому начну с методологического оправдания. Мир вообще и литературный процесс в частности континуальны, а познание наше дискретно. Возможно предложить сколь угодно много квалифицирующих признаков, в соответствии с которыми единое цельное пространство литературы будет раскладываться на подмножества, – вопрос в том, какое новое знание и

понимание мы получаем на выходе. В этом смысле довольно отрезвляющую миссию, мне кажется, на деле выполняют вполне игровые по замыслу проекты Игоря Сиды – например, по соединению в одной программе авторов с одинаковыми именами, в духе «Десять Дмитриев современной русской поэзии»: весело поискать переключки между Воденниковым и Веденяпиным, но как бы все понимают, что это просто упражнение в интерпретационном произволе. Таким образом, поэтическое поколение с самого начала было для меня столько же данностью, сколько и проблемой: вот несколько десятков предположительно лучших авторов-ровесников, отфильтрованных в рамках проекта «Вавилон» всероссийскими фестивалями, ежегодными альманахами молодой литературы и прочими институциональными мерами, – открывает ли нам их соположение какие-то новые важные истины о положении дел в поэзии или же это чисто механическое объединение разнородного материала? И только когда я увидел в сопоставлении ключевых фигур молодого поколения 90-х некоторую значительную, на мой взгляд, закономерность – коротко говоря, преобладание генетической разноприродности, смешанного происхождения индивидуальных поэтик над прямым наследованием определенной предшествующей традиции (подробнее см. в моей старой статье «Поколение Вавилона»), – только тогда я начал думать о том, как и почему поколенческое единство неслучайно.

В итоге речь идет о том, что цельность поколения определяется единством контекста – условий, в которых совершается личностное созревание и профессиональный дебют. Этот контекст задает то, что я называю *вызовом времени*: совокупность проблем (эстетических, языковых, антропологических), характеризующих именно данную эпоху, задающих горизонт современности. Это все, понятно, не вместо «вечных тем», а в порядке фокусировки взгляда на определенных их поворотах: хочешь писать про любовь – на здоровье, но, пожалуйста, про то, что с нею происходит сегодня и сейчас, потому что про то, что с ней было вчера, мы уже читали. А уж ответ на вызов времени каждый заметный представитель поколения будет вырабатывать свой – сообразно личным интересам, персональным привязкам к тем или иным ветвям традиции и т. п. Разумеется, всегда будут авторы, плохо укладывающиеся в эту общую схему (скажем, те, у кого личностное созревание и профессиональный дебют заметно разошлись во времени: критика уже писала о том, что не очень ясно, к какому поколению относится начавший активно писать и печататься после 50-ти Андрей Василевский). Но общего принципа такие исключения, разумеется, не подрывают.

Соответственно, необходимая и достаточная причина возникновения границы между поколениями – достаточно кардинальное изменение

контекста, какой-то крупный социокультурный перелом. Его несложно было отследить в начальные времена «Вавилона», когда на рубеже 1980–90-х и общественный, и собственно литературный ландшафт резко изменился. И в начале 2000-х годов, закрывая прежний «Вавилон» как объединительный проект младшего литературного поколения, мы тоже видели вполне отчетливо, что новый социокультурный перелом резко меняет картину, и новые авторы уже начинают с каких-то совершенно иных отправных позиций, – только перелом этот был не политического, а информационно-технологического происхождения: началась эпоха Интернета и других новых медиа.

2. Из вышесказанного ясно, что по двум младшим поколениям в сегодняшней русской поэзии шаг выходит лет 10–12: «поколение Вавилона» начиналось с авторов 1967–68 годов рождения (Николай Звягинцев, Андрей Сен-Сеньков, Андрей Поляков, Дмитрий Воденников, ну и я заодно), «поколение “Дебюта”» – с авторов 1980–81 годов рождения (Марианна Гейде, Дина Гатина, Ксения Маренникова, Татьяна Мосеева). Если идти глубже в историю, то совершенно ясно, что новая русская поэзия началась с поколения, рожденного в 1930-е годы и конституированного концом сталинщины, Оттепелью; это поколение начинается примерно с Генриха Сапгира и заканчивается родившимся в 1940 году Иосифом Бродским. Перелом середины 1960-х, развернувший страну в сторону нового похолодания и, помимо прочего, окончательно оформивший раскол русской поэзии на официальную и неподцензурную, провел границу поколений по авторам 1944–48 годов рождения (Виктор Кривулин, Елена Шварц, Аркадий Драгомощенко, Михаил Айзенберг...). И вот только с расстоянием между этими авторами и старшими «вавилонянами» (20 и более лет разницы) картина не столь ясная: похоже на то, что следует искать еще один поколенческий рубеж где-то вокруг 1956–57 годов рождения, – во всяком случае, на интуитивном уровне вряд ли мы усомнимся в том, что Александр Скидан или Юлий Гуголев принадлежат не к поколению Драгомощенко и Айзенберга и не к поколению Сен-Сенькова и Воденникова, а к какому-то промежуточному. Я бы в рабочем порядке предположил, что это поколение было конституировано, как ни парадоксально, не кризисом системы, а ее стабилизацией: вторая половина 1970-х годов – зенит эпохи Застоя и, вместе с тем, время окончательной кристаллизации неподцензурной русской поэзии как системного единства. Получается, что действующих поэтических поколений в сегодняшней русской поэзии пять – считая самое старшее, которому сегодня за 70 и от которого, увы, осталось совсем немного авторов, но, по крайней мере, пока продолжают активно работать Наталья Горбаневская и Михаил Еремин – с этим поколением придется считаться.

Тут уместно напомнить, что предпринималась и попытка иной трактовки поколенческого единства: в свое время Олег Дарк в имевшей довольно широкий резонанс статье «Поколение земноводных» (о молодых прозаиках конца 1990-х – но фактически все эти прозаики были в то же самое время и поэтами) предложил говорить о литературных поколениях в смысле точных ровесников, плюс-минус год. В рамках конкретной статьи Дарка идея срабатывала, но продолжения эта инициатива не имела. Не очень-то просто вообразить, какими объяснениями (не астрологическими же?) можно было бы рационализировать поиски родства между авторами, скажем, 1972–73 годов рождения в противовес авторам 1975–76 годов рождения, – но как знать, быть может, при последовательной проведении этой идеи и в ней бы нашлось рациональное зерно.

3. По логике рассуждений из предыдущего параграфа, младшим поколением русской поэзии остается сегодня то, что начало приходит в литературу лет 8 назад, – то есть его старшим авторам сегодня под 30. Дело осложняется тем, что большинство этих старших авторов в большей или меньшей степени ушли в тень после довольно бурных 3–5-и дебютных лет, – и их чуть младшие коллеги в своем формировании не особо их опыт учитывают. Это следующая тема, по поводу которой еще очень мало написано и даже подумано: о динамике взаимоотношений между авторами внутри поколения. Тем не менее, глядя на наиболее младших авторов из числа уже заявивших о себе в полный голос, – прежде всего, на 20-летних Алексея Афонина и Ксению Чарыеву, – вроде бы пока нет впечатления, что от Марианны Гейде, Михаила Котова и Анастасии Афанасьевой их отделяет граница поколений. Да и кардинального социокультурного слома у нас вроде бы за последние пару лет никакого не случилось. А дальше – поживем увидим.

Арсен Мирзаев (Санкт-Петербург), литературтрегер, поэт:

1. Поколения поэтические – весьма условное понятие. И существуют они вполне условно. К примеру, Дима Григорьев и я, ровесники, – люди явно того же поэтического поколения (круга etc.), что и Валерий Земских, который старше нас на 12 лет. То же самое можно отнести и к компании Драгомощенко-Скидан-Голынка, хотя первый и был вначале своего рода учителем и наставником для Саши и Димы.

2. Не думаю, что вообще целесообразно специально выделять какие-то поколения последних десятилетий.

3. Нынешние 20-летние (о графоманах не говорим: их всегда хватало – во всех поколениях) меня скорее радуют, чем наоборот. Что

их отличает? Думаю, то, прежде всего, что они очень быстро осваивают накопленный предыдущими поколениями опыт. А переварив его, не боясь писать так, будто до них никого и ничего не было. Я говорю, разумеется, о лучших представителях, которых, возможно, несколько идеализирую...

Юрий Орлицкий (Москва), филолог, литературтрегер, поэт:

1. Поколение в поэзии – некоторая абстракция, необходимая в первую очередь тем, кто так или иначе позиционирует себя и/или своих единомышленников в конкретном литературном пространстве. В зависимости от конкретных задач и проводится эта граница – каждый раз по-разному. Причем нередко эти самые условные поколения объединяют авторов разного физического возраста (см. тот же московский концептуализм). То есть, могут быть «короткие» и «длинные» поколения. А бывает и «вечная молодость» в лучших советских традициях: от 20-и до 45-и – в тех же пресловутых Липках.

2. Я считаю, что традиционная практика выделения поколения по десятилетиям (то есть сорока-, тридцати-, двадцатилетних) вполне оправданна и работоспособна. Соответственно, сейчас вполне можно говорить о поколениях -летних.

3. Соответственно, 20-летние есть и сейчас, как были всегда. Интереснее другое: в каком возрасте завершается эта «двадцатилетность»: в 23 или в 30?

И еще: насколько сегодня это условно выделяемое поколение монолитно и целостно. Но узнаем мы это как минимум лет через 30...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Арсеньев (Санкт-Петербург). Родился в 1986 г. в Ленинграде. Магистр филологического факультета СПбГУ. Стихи публиковались на сайте «Полутона», в журналах «Транслит», «Plotki», «AbsentMagazine». Автор книги «То, что не укладывается в голове» (СПб.: AnnaNova, 2005). Участник Майского фестиваля новых поэтов (2009). Главный редактор литературно-критического альманаха «Транслит».

Николай Артюшкин (Казань). Родился в 1985 г. Студент филологического факультета Казанского федерального университета. Участник фестивалей «ГолосА», «Пересечение границ», «Аксенов-фест». Публиковался в журналах «Идель», «Контрабанда» и др. Лауреат премии «Узнай поэта» (2010), лонг-лист премии «ЛитератураРентген» (2010).

Алексей Афонин (Санкт-Петербург). Родился в 1990 г. Участник Шестого майского фестиваля новых поэтов, XVI Фестиваля свободного стиха, II Фестиваля университетской поэзии, фестиваля «Петербургский текст сегодня». Публиковался в журналах «Урал», «Воздух», Интернет-журналах «TextOnly» и «Альтернатива», на сайте «Полутона». Автор книги стихов «Очень страшное кино» (М.: Русский Гулливер, 2010). Лауреат премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010).

Александра Бабушкина (Москва). Родилась в 1986 г. в Самаре. Аспирантка РГГУ. Соорганизатор ЛитПроекта РГГУ и трех фестивалей университетской поэзии. Участница фестивалей верлибра 2007–2010 гг. Публиковалась в альманахе «День открытых окон». Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России». Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010).

Татьяна Барботина (Москва). Родилась в 1985 г. в городе Хотьково Московской области. Студентка ЛИ им. Горького. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России». Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010).

Денис Безносков (Москва). Родился в 1988 г. Аспирант ПГСГА. Стихи печатались в альманахе «День открытых окон 3», в журналах «Футурум АРТ» и «Другое Полушарие».

Анастасия Векшина (Москва). Родилась в 1985 г. Выпускница РГГУ. Докторантка Гданьского университета. Участница поэтических фестивалей в Москве, Санкт-Петербурге, Пушкинских Горах, Варшаве, Триесте. Финалистка премии «Илья» (2004), шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008), финалистка премии «Castello di Duino» (Италия, 2009, 2010). Лауреат конкурса на сценарий короткометражного фильма ОСО (Польша). Публиковалась в сборниках, альманахах и антологиях. Автор книги стихов и короткой прозы «Море рядом» (М., 2009).

Сергей Гейченко (Ейск – Москва). Родился в 1988 г. Аспирант МГУП. Публиковался в альманахе «Полиграфомания». Победитель поэтического турнира МГУП (2010).

Юлия Грекова (Рязань). Родилась в 1988 г. Студентка Рязанского государственного университета им. Есенина. Участница поэтического фестиваля «Дебют-Саратов» (2010), XVII Фестиваля верлибра (2010). Лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2010).

Елена Горшкова (Рязань – Москва). Родилась в 1987 г. Аспирантка филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Участница фестивалей «Стрелка», «Молодой литератор», «Камский анлим» и др. Стихи публиковались в журналах «Волга», «Крещатик», «Транзит-Урал», «Пролог», в альманахе «Алконост», на сайте «Сетевая словесность». Лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2009), лонг-лист премии «Дебют» в номинациях «проза» (2009) и «поэзия» (2010).

Олег Задорожный (Санкт-Петербург). Родился в 1985 г. Выпускник Смольного института свободных искусств и наук, магистратуры факультета филологии и искусств СПбГУ. Печатался в сборнике «Петербургская поэтическая формация», в Интернет-журнале «TextOnly», в альманахе «День открытых окон 2». Участвовал в XVI и XVII фестивалях верлибра, в I и III фестивалях университетской поэзии.

Анастасия Каменева (Москва). Родилась в 1992 г. Студентка РГГУ. Участница литературной студии «Кипарисовый ларец». Победительница «конкурсных» чтений III Московского фестиваля университетской поэзии (2010).

Валентина Канухина (Москва). Родилась в 1988 г. Студентка историко-филологического факультета РГГУ. Участница поэтических фестивалей в Переделкино, Рязани и Москве. Участница литобъединения при журнале «Юность» (2002–2003). Публиковалась в журналах «Юность», «Литературная учеба» и «Кольцо А», в альманахе «День открытых окон».

Дмитрий Каплин (Нижний Новгород). Родился в 1988 г. в Нижнем Новгороде. Окончил филологический факультет ННГУ. Публиковался в сборнике «Молодой литератор», участвовал в Казанском республиканском слэме, в фестивалях «Речет» и «Стрелка». Лауреат фестиваля «Молодой литератор» в номинации «проза» (2008, 2009), гран-при в той же номинации (2010).

Константин Комаров (Екатеринбург). Родился в 1988 г. в Свердловске. Учится в магистратуре Уральского федерального университета им. Ельцина. Финалист фестиваля «Молодой литератор» (2010). Публиковался в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Добрый малый», альманахах «Воскресение», «День открытых окон 2» и др. Автор книг стихов «На ощупь иду» (Екатеринбург, 2008) и «Одни под одеялом» (Екатеринбург, 2010). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «эссеистика» (2010).

Денис Ларионов (Клин). Родился в 1986 г. в городе Клин Московской области. Окончил Тверской медицинский колледж. Публиковался в журнале «Воздух», в альманахе «Солнце без объяснений», в Интернет-журнале «TextOnly». Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России». Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009, 2010), лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2009).

Екатерина Малова (Москва). Родилась в 1988 г. Учится в магистратуре РГГУ. Участница XVII Фестиваля верлибра, фестивалей университетской поэзии. Публиковалась в альманахе «День открытых окон».

Александр Маниченко (Челябинск – Москва). Родился в 1988 г. Студент ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009, 2010), лауреат премии «ЛитератуРРентген» (2009).

Максим Маркевич (Москва). Выпускник МГУП. Публиковался в альманахах «Полиграфомания» и «День открытых окон 3». Победитель поэтического турнира МГУП (2009).

Валерия Мерзлякова (Санкт-Петербург). Родилась в 1984 г. Выпускница факультета журналистики СПбГУ.

Ольга Метальникова (Калининград). Родилась в 1985 г. Студентка Санкт-петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. Публиковалась в альманахе «День открытых окон 3».

Никита Миронов (Санкт-Петербург). Родился в 1986 г. Студент факультета журналистики СПбГУ. Стихи публиковались в каталоге Майского фестиваля новых поэтов, в журналах «Воздух», «Зинзивер», «Арт-ШУМ», в Интернете на сайте «Полутона».

Николай Николаев (Москва). Родился в 1992 г. в Самарканде. Студент ЛИ им. Горького.

Анна Новицкая (Калининград). Родилась в 1986 г. Аспирантка РГУ им. Канта. Участница фестиваля «Slowwo», фестивалей университетской поэзии и др. Публиковалась в альманахе «День открытых окон» и др. Лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2008).

Лев Оборин (Москва). Родился в 1987 г. Аспирант РГГУ. Основатель и участник поэтического объединения «Теплотрасса» (с 2006 г.). Участник программы «Открытый мир» (2007). Публиковался в журналах «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Юность», «Волга», «Зинзивер» и др., в альманахах и сборниках «Знаки отличия», «День открытых окон» и др. Автор книги стихов «Мауна-Кеа» (М., 2010). Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2004, 2008), лонг-лист в номинациях «поэзия» (2007, 2009) и «эссеистика» (2009). Шорт-лист премии «Содружество дебютов» (2008).

Анна Орлицкая (Москва). Родилась в 1988 г. Выпускница РГГУ. Участница поэтических фестивалей «Стрелка», «Slowwwwo», «ГолосА», «Дебют-Саратов», фестивалей верлибра, Чеховского книжного фестиваля, Львовского форума издателей и др. Публиковалась в сборнике «Молодой литератор», в журнале «Зинзивер», в альманахах «Абзац», «День открытых окон», «КИЛ» и др., в молодежных периодических изданиях, в Интернете. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России». Финалистка фестиваля «Молодой литератор» (2009). Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010), лонг-лист в номинации «поэзия» (2008, 2009). Организатор ЛитПроекта РГГУ и Московского фестиваля университетской поэзии (с 2008 г.), редактор альманаха «День открытых окон».

Юлия Поселеннова (Смоленск). Родилась в 1985 г. Студентка филологического факультета Смоленского государственного университета. Член литературной студии «Персона» (с 2007 г.). Участница поэтических чтений и перформансов в Смоленске. Публиковалась в альманахах «Слова», «Смоленская дорога», в журнале «Смоленск», в сборнике «Поэтическое вече» и др., участница проекта «Смоленск. Все свои». Победительница «конкурсных» чтений III Московского фестиваля университетской поэзии (2010).

Мария Рожкова (Москва). Родилась в 1987 г. Выпускница ЛИ им. Горького. Публиковалась в Интернет-журнале «Альтернатива». В рамках III Московского фестиваля университетской поэзии вышел сборник стихотворений «Собака черная по земле» (М.: Огурчики-Помидорчики, 2010). Победительница «конкурсных» чтений III Московского фестиваля университетской поэзии (2010).

Никита Подвальный (Москва). Родился в 1983 г. Окончил РХТУ и аспирантуру ИОХ РАН. Участник Фронта Радикального Искусства (с 2003 г.), лидер музыкально-поэтического проекта «Искатель» (с 2008 г.). Лауреат конкурсов «Первый снег», «Оскольская Лира». Участвовал в фестивалях «Акупунктура», «Мегалит-Транзит-Послушайте» и др. Участник литературных и литературно-музыкальных студий и салонов «Жизальмо» (2001–2004), «Колыбель космонавтики» (2004–2007), «Арбатская литературная мастерская» (по настоящее время).

Майя Руцкая (Москва). Родилась в 1984 г. Аспирантка РГГУ. Публиковалась в альманахе «День открытых окон».

Галина Рымбу (Омск – Москва). Родилась в 1990 г. в Омске. Студентка ЛИ им. Горького. Публиковалась в альманахе «День открытых окон 3», в журнале «Дети Ра» и др. Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010), лонг-лист в номинации «поэзия» (2009). Финалистка премии «ЛитератураРРентген» (2010). Гран-при фестиваля «Молодой литератор» в номинации «поэзия» (2010).

Егор Сальников (Москва). Родился в 1988 г. Окончил актерский факультет ВГИКа. Публиковался в альманахах «Истоки», «Новые имена». Автор книг стихов «Мой первый ресторан» и «100 страниц в Кубе».

Михаил Семенов (Москва). Родился в 1990 г. в Ташкенте. Студент ЛИ им. Горького. Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Анастасия Сидорова (Москва). Родилась в 1989 г. Студентка МГУП. Участница литературной студии МГУП. Победительница «конкурсных» чтений III Московского фестиваля университетской поэзии (2010).

Дарья Смирнова (Тверь). Родилась в 1985 г. Аспирантка Тверского государственного университета. Участвовала в фестивалях верлибра, II и III фестивалях университетской поэзии. Публиковалась в альманахе «День открытых окон 3», в Интернете на сайте «Литкульт».

Ольга Собгайда (Кузовлева) (Астрахань). Родилась в 1986 г. в Астрахани. Окончила Астраханский государственный университет.

Публиковалась в литературных газетах «Терновый куст», «Астраханская литература», «Хлебниковская веранда», в журналах «Зеленый луч», «Введенская сторона», в сборниках «Флейта», «Неповторимая жизнь», «Колос(с) слова», «Астраханский вернисаж», «День открытых окон 2». Автор книги стихов «Синий слон» (2005). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010).

Александра Соболева (Москва). Родилась в 1983 г. Филолог, аспирантка кафедры общего языкознания МПГУ. Победительница поэтического конкурса «Лишь слову жизнь дана» (2002). Публиковалась в журналах «Крещатик», «Зинзивер», в альманахе «День открытых окон».

Игорь Тишин (Казань). Родился в 1990 г. Студент факультета журналистики и социологии Казанского федерального университета. Руководитель лито «Бутылка Клейна». Участник фестивалей «ГолосА», «Аксенов-фест», «Пересечение границ». Публиковался в журналах «Урал», «Идель». Лонг-лист премии «ЛитератураРРентген» (2009). Лауреат премии «Узнай поэта» (2010). Победитель «конкурсных» чтений III Московского фестиваля университетской поэзии (2010).

Анастасия Трифонова (Смоленск). Родилась в 1987 г. Аспирантка Смоленского государственного университета. Член литературного объединения «Персона». Участница I и II фестивалей университетской поэзии. Публиковалась в альманахе «День открытых окон».

Ольга Туркина (Санкт-Петербург). Родилась в 1988 г. Окончила СПбХУ им. Рериха. Член литературной студии С.Г. Стратановского. Участница XVI Фестиваля верлибра, фестиваля «Глаз» и др. Автор публикаций стихов, прозы, иллюстраций в журналах «Вокзал», «Аврора», «Парадный подъезд», «Второй Петербург», «Зинзивер», в сборниках «Заветная лира», «Четверг. Вечер», «Рог Борей», «День открытых окон» и др. Выступала также под псевдонимом Бес Сердечный.

Ольга Яковлева (Калининград). Родилась в 1987 г. в Курске. Выпускница факультета филологии РГУ им. Канта. Серебряный призер всероссийского есенинского конкурса «Роща золотая» (2005), участница I и II фестивалей университетской поэзии, фестивалей «На ветру времен», «Словwwwо», русско-литовского проекта «Балтославия». Публиковалась в журналах «Западное крыло», «Балтика», «Параллели», «Литературные незнакомцы», «Боруссия», в сборниках «Лалангамена», «Перотехника», «Молодые голоса», «Дети бездомных ночей», «АЗЪ: пространство невозможных состояний», «День открытых окон».

Марина Яуре (Тверь – Москва). Родилась в 1988 г. Выпускница филологического факультета Тверского государственного университета, аспирантка РГГУ. Гостила в литературной студии «Иволга». Участвовала в Международном фестивале «Бунинский бал-2009». Публиковалась в сборниках «Лучшие слова» и «Поэтх». Один из организаторов поэтического конкурса «Иволга-2007», организатор «Межрегионального конкурса экспресс-рассказа» (2009). Главный редактор сетевого литературного журнала «Культурный слой». Победительница «конкурсных» чтений III Московского фестиваля университетской поэзии (2010).

День открытых окон 4

Стихи участников III Московского
фестиваля университетской поэзии

Печ. л. 10,0. Тираж 300 экз.